

Наталья Солнцева

Три смерти Колумбины

Наталья Солнцева
Три смерти Колумбины

«АСТ»

2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Солнцева Н.

Три смерти Коломбины / Н. Солнцева — «АСТ», 2015

ISBN 978-5-17-085668-8

Карнавал – любимое развлечение королей. Придворные закрывают лица и изменяются в угоду своей маске. Порой все низменные чувства – зависть, ненависть, злоба – выползают из ее пустых глазниц. Как интересно наблюдать за этим со стороны! Счастливая семейная пара вдруг распадается на двух напуганных людей. Они больше не доверяют друг другу. И все из-за того, что где-то рядом постоянно оказываются Коломбина, Арлекин и Доктор Смерть... Маскарад какой-то! Но ведь ряженые – реальные люди, и цель у них материальна: добыть часы королевского астролога... Книга ранее выходила под названием «Часы королевского астролога».

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-085668-8

© Солнцева Н., 2015
© АСТ, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	33
Глава 7	36
Глава 8	41
Глава 9	48
Глава 10	53
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Наталья Солнцева

Три смерти Колумбины

*Все события и персонажи вымышлены автором.
Все совпадения случайны и непреднамеренны.*

*Красотка очень молода,
Но не из нашего столетья,
Вдвоем нам не бывать – та, третья,
Нас не оставит никогда.
Ты кресло подвигаешь ей,
Я щедро с ней делюсь цветами...
Что делаем – не знаем сами,
Но с каждым мигом нам страшней.
Как вышедшие из тюрьмы
Мы что-то знаем друг о друге
Ужасное. Мы в адском круге,
А может, это и не мы.*

Анна Ахматова¹

© Н. Солнцева, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Глава 1

Москва. За несколько месяцев до описываемых событий

Первый день ноября выдался пасмурным, холодным. Старый парк ронял последнюю листву. Туман пластами лежал в низинах, оттуда тянуло сыростью. У оврага горел большой костер. Какие-то люди собрались у огня – не то греться, не то исполнять бесовский обряд.

Все, что не от Бога, – от лукавого. Много нынче развелось любителей заигрывать с древней магией, взывать к темным силам. Мало кто задумывается, во что сие легкомыслие может вылиться...

В эту пору дальние аллеи парка были пустыни. Редкие гуляющие старались держаться поближе к усадебному дому, к свету, падающему из окон.

Тучный господин в элегантном пальто торопливо прошел мимо группы причудливо одетых молодых людей, скользнул под сумеречную сень деревьев. Его мучила одышка, поясницу ломило. Он не ожидал, что так рано стемнеет. Приближаясь к каменному мостику, господин замедлил шаг и прислушался.

Казалось, чья-то тень преследует его, чьи-то глаза наблюдают за ним. Не опрометчиво ли он поступил, направляясь сюда один, без охраны? Где-то за его спиной похрустывали ветки, шуршали палые листья. Багровое пламя костра озаряло склоны оврага, очертания моста, тонущие в тумане...

Господин до боли в глазах всматривался в зеленоватую мглу. Ему показалось, что на той стороне мелькнули яркие одежды, послышалось, как цокают по камням женские каблучки. Неужели она? Пришла... не обманула...

Он двинулся было навстречу, но опомнился, удержал себя. Негоже ему, будто нетерпеливому юноше, мчаться на всех парах к долгожданной возлюбленной. Да и она далеко не восторженная и сентиментальная девица, еще на смех поднимет...

Господин тяжело дышал, ощущая, как бухает в груди сердце. Всего лишь летучее мгновение отделяло его от идущей по мостику женщины. Прекрасное и неповторимое, оно вдруг остановилось... хотя он об этом не просил.

Тук-тук... тук... Каблучки смолкли, и женский силуэт растворился в тумане...

Трепал костер, падали с ветвей капли, кто-то монотонно говорил вдали, заклиная эту безлунную ночь, это пламя и эту зеленоватую мглу.

Господину стало не по себе. Он оглядывался по сторонам, но ничего не видел, кроме темных мокрых стволов, жарких языков огня и густого тумана.

Он хотел позвать женщину... и не смог. Язык ему не подчинился, в боку зашевелилась ноющая боль. Пустые, слепые глазницы смерти холодно взирали на него из окружающего мрака...

* * *

Франция, XVI век. Париж, Лувр

Рожденные в порфире несут на себе печать божественного... или дьявольского. У них – другая кровь, другие мысли, другая жизнь и другая смерть. Они по-другому любят и ненавидят. В их судьбе правят бал золото, интриги и власть. Они купаются в роскоши, но порой чувствуют себя беднее самого последнего подданного. Их могущество эфемерно, и порой они – самые несчастные из людей. Заложники короны, которая их возвышает и убивает.

Маргарита не любила Лувр, его холодную пышность, запах оплывших свечей и пыльных ковров, шорох бархатных драпировок, вечные сквозняки, сырость темных переходов, гулкие шаги гвардейцев, бряцание оружия и приглушенный шепот придворных. Здесь всем заправляла ее мать, хитрая флорентийка Екатерина Медичи. Она родила французскому королю Генриху II семерых детей, а он открыто изменял ей с красавицей Дианой де Пуатье. Пролитывая слезы в своей одинокой постели с балдахинном, затканном королевскими лилиями, Екатерина проклинала неверного мужа.

Вначале поговаривали, что она привезла из Италии редкий и страшный яд и что дни фаворитки сочтены. Однако королева оказалась умнее и дальновиднее своих недругов. Чужая в этой стране, где не прекращалась борьба влиятельных кланов за трон, а двор погряз в сплетнях и разврате, она постепенно, незаметно прибрала к рукам бразды правления. Пока король устраивал рыцарские турниры и наслаждался любовью в объятиях прелестной Дианы, его супруга постигала науку плести интриги, приобретала сторонников и заручалась тайной поддержкой вельмож.

Ходили слухи, что в покоях Екатерины творятся темные дела. Привезенный ею из Флоренции некий Козимо Руджиери, астролог и колдун, при помощи черной магии рассчитывает своей покровительнице путь к власти. Руджиери якобы мастерски изготавливает яды и чудесные духи, однако этими духами мало кто решается пользоваться. Также личный астролог королевы постоянно наблюдает за звездами, и без его совета Екатерина шагу не ступит. В узком кругу ее приближенных шептались, будто Руджиери магическими заклинаниями собирается известить короля. Такие слова могли стоить сплетнику жизни, поэтому повторять их боялись.

Как бы там ни было, а на одном из турниров король-рыцарь, выступавший с цветами «прекрасной дамы» де Пуатье, был тяжело ранен графом Монтгомери, капитаном шотландской королевской гвардии. Совершенно случайно, разумеется! Копье противника

со страшной силой ударило в шлем Генриха, повредило забрало, сломалось, и его осколки вонзились в лицо монарха. Крик ужаса пронесся по рядам придворных. Поверженного короля унесли с ристалища, Диана лишилась чувств, а законная жена поспешила за умирающим мужем... О чем думала она в те минуты? Что чувствовала? Скрытое торжество, полное опустошение, запоздалое раскаяние, жалость... или жестокую горечь любящей, но нелюбимой женщины?

Король умер. Да здравствует король! Благодаря Екатерине Франция получила наследников престола. Сыновья короновались и вступали на трон, а их мать оставалась в тени. Но именно она предопределяла политику при дворе, и без ее ведома ни одна мышь не могла прошмыгнуть по затхлым закоулкам Лувра.

Мрачный италянец Руджери, пользуясь магическими приемами и толкуя расположение светил, предсказал королеве-матери закат династии Валуа. Одного за другим потеряет она сыновей, и Париж достанется их троюродному брату, ненавистному предводителю гугенотов Генриху Наваррскому.

– Замолчи! – вскричала бедная женщина, в ярости разрывая кружевные манжеты. – Не смей... Этот проходимец, блудливый пес, замараха, от которого разит лошадиным потом, никогда не сядет на трон Франции! Я не допущу!

Козимо склонился в почтительном поклоне. «Как вам будет угодно, ваше величество», – говорила его поза. «Увы, над королевством встает звезда Бурбонов!» – говорили его глаза, когда он поднял их на ошеломленную Екатерину.

– Этому не бывать, – прошептала она. – Не бывать...

Но уже сама не верила своим словам. Возможно, именно в тот роковой миг у нее родилась безумная идея одним махом покончить с Генрихом де Бурбоном и его приспешниками. Да, прольется много крови. Кто сказал, что путь монархов должен быть устелен розами? Стезя сия – удел сильных.

Екатерина решила бороться до конца, и разменной монетой в этой борьбе должна была стать ее дочь Маргарита. Прелестную овечку придется отдать на заклятие. Когда речь идет о судьбе правящей династии, любые средства хороши. Тут не до сантиментов.

Маргарита была седьмым ребенком, самой младшей дочерью Генриха II и Екатерины Медичи. Она рано повзрослела, расцвела, поражая окружающих дивной красотой, образительностью и независимым характером. Строптивница доставляла матери и братьям множество хлопот. Едва ей исполнилось шестнадцать, она без памяти влюбилась в герцога Гиза – об их бурном романе знали даже камеристки и дворцовые истопники.

Ее брат – король Карл IX – запретил ей думать о браке с герцогом. Маргарита неистово рыдала, запертая в своей спальне, а он пытался ее урезонить.

– Посуди сама, Марго... Гизы принадлежат к Лотарингскому дому, а твой... хм... возлюбленный возглавляет всех католиков Франции. Женившись на тебе, он, пожалуй, заявит права на корону. Мы не можем так рисковать.

– Это она! – вопила Маргарита, мечась по комнате, как бешеная кошка. – Это проделки нашей матери! Она подговорила тебя, братец, признайся же! Я люблю его... Вы не поступите так со мной!

Карл озадаченно качал головой.

– Успокойся. Мы прежде всего печемся о благе государственном, а потом уже о личном. И ты, как принцесса рода Валуа, должна...

Маргарита, заливаясь слезами, упала перед братом на колени.

– Она что-то задумала, я чувствую – произойдет страшное... Карл! Умоляю тебя, не слушай ее!

За гобеленом, который закрывал стену, раздался странный шорох. Маргарита вскочила, дико озираясь.

Болезненно бледный Карл взял ее за руку – та была холодна, как лед.

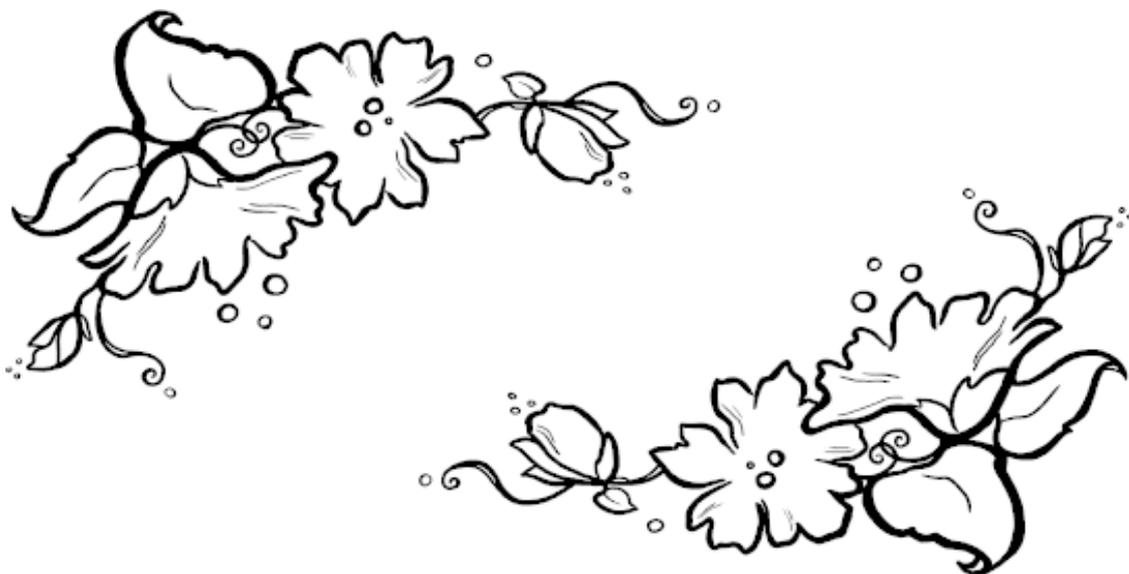
– Что с тобой? Ты вся дрожишь...

– Она здесь! Повсюду ее глаза и уши. Она подслушивает нас...

Маргарите показалось, что в спальню проскользнула черная тень королевы-матери.

– Я боюсь, Карл! Я боюсь ее...

Глава 2

Москва – Камышин. Наше время

Матвей Карелин, владелец конструкторского бюро, был в прекрасном расположении духа. Бизнес расширялся, прибыль росла, и это позволило ему нанять директора, который освободил его от множества мелких обязанностей и необходимости контролировать каждый заказ.

Теперь Матвей мог больше времени уделять мальчишкам из военно-спортивного клуба «Вымпел», где он вел группу «трудных подростков», и частному сыску. К последнему его приобщила Астри Ельцова – женщина обаятельная, умная, но довольно странная. Обстоятельства сложились так, что она потребовала от Карелина назваться ее женихом, чуть ли не гражданским мужем, и он не сумел отказать. Положение усугублялось отношениями с родителями Астры – состоятельной парой, которые души не чаяли в единственной дочери и принимали Матвея у себя в доме как будущего зятя. Астри забавлялась, он злился.

Иногда ему казалось, что она крутит с ним роман. Иногда – что она водит его за нос, дразнит и насмехается. Она то загоралась, то охладевала, то допускала *интимные шалости*, то становилась неприступной и этой двусмысленностью доводила его до белого каления. У нее были причуды, которые могли оттолкнуть любого мужчину, однако с учетом капитала ее отца – Юрия Тимофеевича Ельцова – у нее не было бы нужды в искателях руки и сердца. К сожалению или к счастью, свадьба Астры расстроилась. Измена, скандал и, наконец, гибель жениха повлияли на ее жизнь: Астри решила покинуть родительское гнездо, уехать куда глаза глядят, устроиться на работу. Случай забросил ее в тот самый глухой подмосковный поселок Камышин, где у Матвея был дом.

Бабушка Анфиса оставила внуку в наследство рубленые хоромы из трех комнат и кухни с большой русской печью, сад и огород. Баню он построил сам – новую, но по всем старинным правилам. Нужно же было Астре забрести именно на ту улочку именно в то время, когда туда приехал Матвей? Видно, существует эта штука – судьба. Какие бы повороты ни делал жизненный путь, а к своему приведет.

Ни к чему не обязывающее знакомство переросло в тесную дружбу, которой, как известно, между мужчиной и женщиной не бывает. «Что нас связывает?» – время от времени спрашивал себя Матвей и каждый раз отвечал по-разному.

Астра была не похожа на других женщин. Но разве не думает так любой влюбленный? Хотя Матвей не мог согласиться на роль ее воздыхателя, он все же отдавал себе отчет, что уже не представляет жизни без нее. Без ее дурацких рассуждений и нелепых суеверий. Без ее «ясновидения», в которое он не верил. Однако ей удавалось как-то угадывать, что произойдет, а ее глупые на первый взгляд выводы часто оказывались правильными. Она называла *зеркало* по имени и разговаривала с ним, как с человеком, – притом еще утверждала, что получает от него подсказки. Она не расставалась с сухим корешком, завернутым в алую тряпицу, и называла его «мандрагоровым человечком», *Альрауном*. Она обожала огонь, накупала свечи пачками, повсюду их расставляла и зажигала, окружая себя язычками живого пламени. Она повесила в квартире свой портрет, написанный знаменитым художником Доминим,² уверенная, что это ее *Двойник*. Она...

Впрочем, Матвей мог бы бесконечно перечислять ее достоинства и недостатки, путая одно с другим. Он мог бесконечно удивляться, возмущаться или негодовать, но три дня без Астры делали его раздраженным брюзгой, который не находит себе места. Он начинал скушать по ней, звонить, приглашать поужинать или прогуляться...

Вот и сейчас его подмывало набрать знакомый номер, услышать ее голос и с радостью пуститься выполнять поручения Астры. Конечно, он купит красного вина, которое она любит. Конечно, он заедет в супермаркет за продуктами, потому что у нее пустой холодильник. И чем она только занимается? Предвкушает очередное расследование? Часами сидит перед *зеркалом*? Путешествует по своим снам вместе с *Альрауном*? Беседует с *Двойником*? Или смотрит в окно на тающий снег?

Он терпел до обеда, а потом все-таки не выдержал – позвонил и услышал неожиданное:

– Хочу в Камышин. Поедем?

– С удовольствием.

– Затопишь баню? У тебя есть травы для пара?

– У меня все есть.

Астре приснился дом камышинской немки баронессы Гримм, где она служила компаньонкой и где едва не погибла при пожаре.³ Ее потянуло на Озерную улицу, на пепелище... Интересно, что там? Руины, занесенные палой листвой?

Матвею она об этом говорить не стала.

Легкие на подъем, уже к вечеру того же дня они выехали в Камышин. Добрались без приключений. Синяя весенняя ночь стояла над поселком, луна застыла над крышами, свет фар выхватывал из темноты деревянные заборы, спящие дома. Улочка будто вымерла.

«Пассат» Карелина притормозил у дома бабушки Анфисы. В окне теплился огонек, из трубы шел дым. Залаяли соседские собаки.

– Дед Прохор печку протапливает, – обрадовался Матвей. – Молодец старик.

Камышинский старожил появился на крыльце, приставил ладошку к бровям, всматриваясь, кто пожаловал.

– Принимайте гостей, Прохор Акимыч! – крикнула Астра.

Дед, припадая на левую ногу, заковылял к воротам.

– Ты, гляжу, не один. Давай, голуба, ступай к печурке... грейся. Я тама самовар поставил. Сахар привезли?

² Читайте об этом в книге Натальи Солнцевой «Последняя трапеза блудницы».

³ О связанной с этим детективной истории читайте в романе Н. Солнцевой «Свидание в Хэллоуин».

Старик ждал гостинцев из города: пачку хорошего табака для самокруток и кусковой сахар – любил пить чай вприкуску.

– Привезли, дед...

Матвей с хрустом потянулся, вдохнул холодный, чистый деревенский воздух. Ох, и хорошо! Сад, залитый луной, казался голубым. Большие звезды рассыпались по небу, словно пригоршня самоцветов.

Проход Акимыч повел Астру в дом, в тепло – в просторную кухню с выскобленным добела столом. На блюде блестел боками самовар, рядом горела керосиновая лампа. Угол занимала большая русская печь, расписанная синими цветами. Ситцевые занавески на окнах были задернуты, домотканые половики скручены и сложены в углу.

– С утра свет отключили... – жаловался старик. – Ироды. Поломка у них.

Астра, вместо того чтобы возмутиться, расцвела.

– Значит, будем жечь свечи! Печку топить!

– Дак я уж растопил. Дров-то у хозяина твоего целая сарай. Жги, не хочу. Запасливый он у тебя.

Астра присела на маленькую самодельную скамеечку – поближе к огню. В щелях заслонки багрово вилоось пламя, урчало, поедая березовые поленья.

– А что, дом на Озерной улице, где немка жила, никто не купил?

Камышинскую баронессу знали все.

– Дак нету дома-то. Головешки одни! – радостно сообщил охочий до сплетен Проход. – Кому они нужны?

– Может, родственники объявлялись...

– Не, не было никого. Сразу бы слух прошел. А Матвей тебе кто? Жаних? Али муж?

Астра неопределенно пожала плечами, и дед смущенно крякнул, примолк. Нынешняя молодежь к венцу не торопится. Так живут, в блуде. Блудных детей зачинают... а потом волосы на себе рвут!

– В церкву народ не ходит, от того и беды все, – убежденно произнес он. – У меня самого внуки бестолковые. Ленивые и на самогон падкие. Мудрость стариковскую в их пустые головы насильно не втемаяшишь! Так и помру, унесу в могилу.

– Кого?

– Мудрость! – рассердился Проход. – Непонятливые вы! Крученые-верченые. Небось не повенчались с Матвеем-то?

– Не повенчались...

– Вот! – Старик поднял вверх изуродованный подагрой, желтый от никотина указательный палец.

Астра спрятала улыбку.

– Он не хочет, Проход Акимыч! – изображая невинность, посетовала она. – Хоть вы ему скажите. Чем я плоха?

Дед прищурил подслеповатые глаза. Хороша девка, возраст на выданье... и в теле, не худышка, как некоторые, что голодом себя морят. Всё при ней. Волос не стриженный – не коса, правда, но и не кудряшки обсмыканные. На бабу похожа, а не на барана.

– Я с ним поговорю... – пообещал старик. – Я ему мозги-то вправлю!

Астра осталась довольна. Не зря она на актрису училась. С профессиональной сценой у нее не сложилось, но она не жалеет. Чем жизнь хуже театра?

* * *

Москва

Глебов прислушался.

Магда говорила по телефону. Она старалась произносить фразы, по которым нельзя определить ни кто ее собеседник на другом конце провода, ни смысл сказанного. «Да»... «Хорошо»... «Понимаю»... «Нет»...

Куда подевались ее словоохотливость, ее непринужденная манера выразить свои мысли, саркастический тон?

– Ты уходишь?

Магда выглянула из своей комнаты, похожей на спальню султанши из-за обилия диванов, турецких подушек, низких инкрустированных столиков, кистей, атласа и бархата.

– Да, спешу, – деловито ответил супруг, прикидываясь поглощенным текущими заботами. Бизнес, контракты, поставки оборудования. – У меня совещание в девять.

Она молча прикрыла дверь, затихла. Наверное, улеглась на свою кровать под прозрачным балдахинном, расшитым звездами, уставилась на них и погрузилась в эротические грезы. У нее было столько фантазий, что любой мужчина утомился бы, пытаясь их осуществить. Иногда она бывала ненасытной, а иногда – холодной, отрешенной, словно Спящая красавица, и тогда Глебову казалось, что он целует мраморную статую.

Они все чаще спали порознь – Магда у себя, а Глебов – в гостиной. Он возвращался домой за полночь, тихо раздевался, принимал душ и ложился на приготовленную домработницей постель. С некоторых пор она стелила ему в гостиной на диване, и Глебов уже не мог вспомнить, сам он попросил ее об этом или Магда. Кажется, инициатива исходила от жены. Какая разница? Его такое положение вещей устраивало. Магда, как он полагал, хотела его припугнуть своей немилостью. Но она просчиталась – Глебова только обрадовало отлучение от супружеских обязанностей. Да, он удовлетворял свой сексуальный голод на стороне – с любовницей. Не обремененной умом и принципами, зато темпераментной и непритязательной.

Магда ничего не замечала... или делала вид, что не подозревает о похождениях мужа. Глебов не хотел скандалов в семье, поэтому тщательно скрывал свою связь.

Были моменты, когда он готов был раскаться, упасть жене в ноги, признаться во всем, вымолить прощение и снова, как прежде, боготворить ее, угождать, пресмыкаться. Вот это его и останавливало. *Пресмыкаться...* Зачем? Во имя чего? Постепенно приступы раскаяния сошли на нет, осталось только недоумение и мрачное, желчное раздражение. Что он когда-то нашел в Магде? Чем она его приворожила, свела с ума?

Он пытался внушить себе равнодушие к ней, и у него почти получилось.

Алексей Дмитриевич Глебов занимался куплей-продажей медицинского оборудования и фармацевтической продукции, а в последнее время открыл частную клинику, где решил объединить полученные знания с достижениями науки. По настоянию родителей он окончил медицинский институт, пробовал себя в хирургии, но забросил. Коммерция интересовала его куда больше, чем самоотверженный труд врача, который плохо оплачивался и не сулил ничего, кроме нервозности и угрызений совести. Медицина безнадежно проигрывала болезням, а Глебов не желал ходить в аутсайдерах. Скепсис уживался в нем с гуманистическими идеями, поэтому он выбрал иной способ помогать ближним – снабжать страждущих новейшими лекарствами и диагностической аппаратурой. Что касается клиник, то он предпочел ими владеть, нежели практиковать в них.

Отец Алексея в бытность свою влиятельным чиновником Минздрава обеспечил сыну достойный старт. Учрежденная младшим Глебовым фирма «Медиус» быстро начала приносить прибыль, и родитель спокойно удалился на покой. Впрочем, сын и сам оказался не промах – его умению вести дела мог бы позавидовать опытный бизнесмен. Откуда только взялись хватка и чутье, способность извлечь выгоду из безнадежной ситуации и обернуть ее себе на пользу!

Заслуженный пенсионер Глебов по праву гордился единственным сыном. Тот еще в школе отличался умом, смекалкой, усердием и настойчивостью. Учился без троек, поступил в институт хоть и по протекции отца, но тому краснеть за отпрыска не пришлось. Звезд неба Алексей не хватал, зато ко всему подходил основательно. В том числе и к отношениям с прекрасным полом.

Он рано стал нравиться девушкам, еще в старших классах, – ухаживал то за одной, то за другой. Без фанатизма, без подростковой восторженности – ради интереса. С легким волнением целовал их юные теплые губки, обнимал за хрупкие плечи, ничего не обещая, ни на что не претендуя, проживая это мгновение, как мотылек проживает соприкосновение с цветком – полакомился и полетел дальше.

В институте ему прочили в жены дочку декана, спортивную розовощекую активистку, отличницу, с крепкими ляжками и упругой грудью. Ее звали Кристина. На студенческих вечеринках она прижималась к нему своим горячим телом, обдавая запахом лимона и кориандра. Это сочетание ароматов до сих пор напоминало ему первый сексуальный опыт – настоящий, без детской робости и стыда, без лирики и сердечного смятения. Кристина отдавалась по-медицински грамотно, со здоровым аппетитом созревшей самки, не забыв при этом о надежной контрацепции.

Глебов даже не пытался дать себе отчет, что его больше поразило – ее бесцеремонность или собственное разочарование. Он словно побывал на приеме у сексопатолога, который на практике показал ему, как следует получать наслаждение в супружеской постели. После бурного оргазма «пациента» стошнило от одной мысли, что они будут *заниматься любовью* точно так же завтра, через неделю, через месяц... В сексе с Кристиной было много биологии и совсем мало чувства.

Алексей еще некоторое время пытался убедить себя, что так и должно быть: трезвость необходима в любви, как и в жизни, и что опьянение лишает человека здравого смысла, толкает его на глупости.

– Твое либидо похоже на грозовую тучу, – однажды сказал он Кристине. – Созрело, высекло молнию и разрядилось проливным дождем. Просто природное явление, ничего больше.

Она обиделась, ее глаза покраснели, наполнились слезами. Что в этом плохого? Разве человек – не часть природы?

– Кажется, ты хочешь меня оскорбить? – со сдержанным негодованием прошептала она.

– Я констатирую факт... Ставлю диагноз, – лениво произнес он.

– Любовь – не болезнь.

– Еще какая болезнь! Опасная, неизлечимая... А мы с тобой в норме, оба! До неприличия пышем здоровьем.

Кристина смотрела на него, как на умалишенного.

– У двух здоровых людей будет здоровое потомство... – брякнула она.

– Кажется, ты путаешь меня с племенным быком.

– А ты меня – с голландской коровой! – взвилась Кристина. – Я тебя силой в постель не тащу!

– Мы удовлетворяем свои инстинкты – ты и я, по обоюдному согласию.

Он ее допек! Она замахнулась, хотела влечь ему пощечину. Он перехватил ее руку, играючи, перевернул ничком, шлепнул по тугим ягодицам.

– Ты не хочешь здоровых детей? – пробормотала она, лежа лицом вниз на смятых больничных простынях.

– Зачем ты принимаешь таблетки, если жаждешь стать матерью?

– Всею свое время.

Кристина заранее распланировала свою жизнь – по пунктам, по степени важности. Расставила приоритеты, разметила, рассчитала. И включила туда Алексея Глебова, самого красивого и перспективного жениха на курсе.

Ее отец устроил их вместе на практику в престижную клинику, отлично понимая, как сблизают вечерние дежурства, молодость и мягкий диван в ординаторской. С таким зятем, как Глебов, вернее, с Глебовым-старшим можно будет решать вопросы в министерстве, устроить дочери защиту докторской, много чего выбить для себя, для факультета, для... Словом, дело за Кристиной.

– Леша не собирается на мне жениться...

Эта фраза, произнесенная зареванной дочерью, обрушилась на декана как гром среди ясного неба. И ведь не надавишь на чиновничьего сынка, не прижмешь подлеца, не припугнешь отчислением, зарубленной карьерой. Глебовы сами с усами, к ним не подступишься – себе дороже выйдет.

– Ты женщина, тебе и карты в руки, – вспыхнул декан. – Надеюсь, хватило ума забеременеть? Учить тебя, что ли? Где я тебе еще найду такого, как Глебов?

Кристина рыдала в голос, кусала локти от своей «предусмотрительности». Трезвый подход к любовным забавам сыграл с ней злую шутку. Она изнывала от страсти, а Глебов отвергал любой интим. Он не собирался связывать себя узами брака. Заметив однажды, что она не принимает, как обычно, таблетку, он насторожился. И выскользнул из расставленных сетей.

– Со студенческой скамьи – и в ЗАГС? – усмехался он. – Это слишком головокружительный трюк для такого приземленного парня, как я.

– Мы любим друг друга! – заклинала Кристина.

– Я не хочу принуждать тебя делать аборт.

Он совершенно охладел к ней, как будто не было между ними ни жарких ласк, ни сладких поцелуев, ни взаимного влечения. Минуты наслаждения свершились и отцвели, опали, словно тронутые морозом листья.

Прошли годы, прежде чем Глебов встретил другую женщину – Магду... и весь запылал, погрузился в блаженную истому, вопреки логике и хваленому рассудку.

Алексей не задумывался, как назвать то, что он испытывал при одном только взгляде на Магду – на ее темные с медным отливом волосы, на ее округлые формы, выступающие из-под пестрого платья, на ее изящную и легкую походку. Она ярко, вычурно одевалась в индийские ткани, шаровары, пышные юбки, в длинные, до пят, туники – восточная птица, залетевшая в чужой сад. Украшения с большими камнями удивительно шли к ее светлой коже, и Глебов запоздало узнал, как могут аметисты и гиацинты⁴ менять цвет глаз от густого индиго до изумрудно-зеленого и прозрачно-голубого.

Алексей предпочитал стильных, интеллигентных женщин, которые во всем придерживаются золотой середины, умных, уравновешенных и покладистых. Магда была полной противоположностью. Она не признавала никакого стиля – вернее, изобрела собственный, и вместо середины ударялась в крайности. Ее ум напоминал скифский курган: чтобы докопаться до глубоко упрятанных сокровищ, следовало перелопатить горы земли. Впрочем,

⁴ Гиацинт – драгоценный камень красного, желтого или оранжевого цвета.

Магду не волновало, сочтут ее умной или дурочкой. О покладистости речь вообще не шла – похоже, Магда понятия не имела, что это такое. Она делала только то, чего хотела сама, не обращая внимания на потребности окружающих. Страдала ли она особой формой эгоизма или имела такое свойство характера, Глебов определить не мог. Он не мог *думать* о Магде, он ею *бредил*...

Они встретились и познакомились в Венеции – городе на воде. Считающий себя эстетом Глебов мечтал побывать там чуть ли не с детства. Гулять по знаменитой площади Сан Марко под сенью позолоченного ангела, зайти в кафе, где сживали Байрон и Хемингуэй, скользить в изящной гондоле по Большому каналу, любясь отраженными в нем мраморными дворцами, вдыхать соленый воздух лагуны и острых итальянских кушаний, пить молодое вино, ловить взгляды праздных, кудрявых и смуглых женщин... Непременно кудрявых и смуглых!

Ему перевалило за тридцать, и он подарил себе эту поездку – путешествие в средневековый город, полный знаменитых теней, роскошных палаццо и ажурных мостов. Солнце, мрамор и тусклый блеск каналов создавали золотисто-розовую дымку, из которой материализовалась тонкая, яркая женщина, – темноволосая, бледнокожая, с глазами газели, в бирюзовом платье, раздуваемом ветром...

По общепринятым меркам Магду вряд ли можно было назвать красавицей. Неправильные черты лица, неправильная фигура, слишком простая прическа, нелепая манера одеваться – по отдельности все никуда не годилось. Чего стоили ее босоножки со стразами и сумочка с бахромой?! Но в целом от Магды нельзя было оторвать взгляда.

Глебов задохнулся... и впервые в жизни ощутил боль в груди, почувствовал, как сильно забило, зануло сердце, а во рту появился привкус крови...

Теперь он понимал, что тогда ему в лицо ударил соленый ветер с моря, а он принял это за порыв страсти.

Глава 3

Камышин

– Зачем мы сюда пришли?

Матвей недовольно смотрел на зияющие пустыми провалами окон руины бывшего коттеджа баронессы Гримм.

– Сама не знаю... – прошептала Астра.

Они шли вдоль забора. Повсюду капало. Снег стал серым, грязным. Сад не пострадал от пожара, и его ветки торчали на улицу, словно тянулись к прохожим, пытались их задержать.

– Видишь?

– Что я должен видеть? – поднял брови Матвей.

– Сад тянет к нам руки... хочет что-то сказать.

– Такие же «руки» торчат из-за каждого забора.

Астра остановилась, задержала дыхание.

– По-моему, здесь все еще бродит дух баронессы.

– С какой стати?

Астра прижалась к забору и прошептала в глубину заброшенного двора.

– *Зеркало* у меня. С ним все в порядке. Я его берегу...

Она заново переживала ту страшную ночь, когда баронессу и ее дом настигла смерть. Хозяйка умерла до пожара, Астре же чудом удалось выскочить из объятых пламенем коттеджа. Она вынесла только свою сумку, куда положила венецианское зеркало госпожи Гримм, мандрагоровый корешок и флэшку с любительским фильмом, который состоял из разрозненных фрагментов, объединенных странной символикой.

– Дом тоже умер, – грустно произнесла Астра и показала на большое окно. – Вон там была моя комната. Вернее, комната, предназначенная для компаньенок баронессы. Порой

мне кажется, что госпожа Гримм ждала именно меня. Я должна была поселиться в ее доме, обнаружить тайник в стене и забрать *Альрауна* и флэшку. Она предвидела свою смерть!

Матвей жестом выразил несогласие.

– Мы уже обсуждали это.

– Зачем, по-твоему, она бросила Германию и притащилась в богом забытый Камышин?

Ради местных красот?

– Мать Иды Вильгельмовны была русская, не так ли?

– Не говори мне о *ностальгии*! – закатила глаза Астра. – Баронесса не видела России – она родилась на немецкой земле.

– А ты не говори о ее кельтских корнях!

– Я и не говорю.

Астра насупилась. Какая-то давняя тайна стояла за всем, что произошло тогда на Озерной улице, за смертью госпожи Гримм, за видеозаписью на флэшке.

– Давай лучше поговорим о твоих кельтских корнях, – повернулась она к Матвею. – У тебя ведь тоже есть *Двойник? Брюс*... потомок шотландских королей.

– Который наблюдал за звездами в подзорную трубу и переплавлял свинец в золото?

– Признаешь?

– Нет, разумеется.

Карелин лукавил. Были моменты, когда он вдруг начинал ощущать другую реальность... восемнадцатый век, время смелых преобразований Петра Великого, – в нем будто просыпался другой человек: царедворец, фельдмаршал и чернокнижник. Одни называли его колдуном и алхимиком, другие – героем и ученым, третьи – астрологом и масоном, четвертые – самой загадочной личностью в окружении Петра I.

Матвей ловил себя на том, что он думает, как граф Брюс, рассуждает, как граф Брюс, и знает то, что мог знать только граф Брюс. По стечению обстоятельств, у него даже появился костюм графа – камзол, парик, рубашка и башмаки с пряжками. Можно объяснить, как попал к нему этот костюм: мальчишки из «Вымпела» пригласили наставника на Хэллоуин и добыли для него наряд петровского вельможи.

Но как попали к нему *мысли* Брюса?

Астра твердила, что совпадений не бывает. Просто не всегда удастся связать причину и следствие. С некоторых пор Матвей склонен был признавать ее правоту, но далеко не во всем и не всегда. Есть же еще здравый смысл, кроме диких фантазий!

Например, Астра приписывала эпизодам с флэшки чуть ли не пророческое значение. Они-де отображают будущие события. Кое-что уже сбылось – не в точности. Кое в чем можно было усмотреть сходство – но весьма отдаленное. Нельзя отрицать, что среди разрозненных отрывков присутствует так называемая «усадьба Брюса» – дом графа в подмосковных Глинках. А все остальное вызывает сомнения.

Астра множество раз просматривала странные кадры и запомнила их наизусть:

Змея, обвивающая ствол могучего дерева... всадники, скачущие за диким кабаном, который заманивает их в туман... мрачные своды замка и котелок над огнем... бронзовая русалка на постаменте посреди круглого водоема... танцующие маски венецианского карнавала... отрубленная голова на золотом блюде... фасад усадебного дома в Глинках... ряженные сжигают соломенное чучело... любовники в масках на ложе страсти... Млечный Путь на звездном небе... мраморная статуя Афродиты в венке из цветов мандрагоры... корова, жующая траву... повешенный раскачивается на виселице... фонтан, куда туристы бросают монетки...

Кто, когда и зачем сделал эту видеозапись? Сумасшедший убийца, который уже мертв? Призрак, явившийся из потустороннего мира?

Астра говорила о кельтской магии, об умении превращать воображаемые вещи в реальные – картинки могут воплотиться в действительность!

Матвей возражал... *Брюс* верил, что такое возможно. По его мнению, флэшку следовало уничтожить.

Астра была против. Она пришла к дому на Озерной улице, чтобы *посоветоваться с баронессой*... «Госпожа Гримм, похоже, дала отрицательный ответ».

* * *

Пять лет тому назад. Венеция

Магда водила, вернее сказать, *возила* его по улочкам-каналам, и запах мокрых камней и сырости казался ему слаще аромата роз, а плеск воды звучал, как волшебная флейта. Глебов не замечал прославленных красот столицы карнавалов – он ловил каждый вздох Магды, каждое движение, каждый поворот ее головы. Он жалел, что не умеет писать картин: эта женщина была достойна кисти художников Возрождения – совершенство античности сочеталось в ней с чувственностью Востока.

Расставаясь с Магдой в сумерках, расцвеченных желтыми огнями, Глебов, как пьяный, возвращался в отель, бросался на кровать в прохладном номере с окнами, выходящими на канал, и до утра перебирал в памяти – камешек за камешком, стеклышко за стеклышком – каждую частичку, которые складывали ее непостижимый образ. Пронизанный солнцем венецианский витраж... византийское панно... римская мозаика...

А утром он лихорадочно собирался – мылся, брился, приглаживал расческой непослушный ежик волос, уже ощущая внутреннюю дрожь, возбуждение, гул крови в артериях. Бегом спускался на первый этаж, выходил на улицу, залитую лазурью и золотом, и до встречи с Магдой умирал от желания только прикоснуться к ее руке, увидеть заложенную за ухо прядь ее волос, длинную линию шеи, ложбинку груди в вырезе открытого яркого платья...

Стоило ей появиться, и Глебову казалось, что он сидит на карусели, а какая-то скрытая сила принимает ее вращать... быстрее и быстрее... и вот уже ничего нельзя разглядеть, все мелькает, кружится голова, а в груди возникает пустота, как перед полетом в неизвестность.

Магда показывала ему Венецию, будто она жила там много веков подряд. Часовую башню с маврами, Дворец дождей, росписи Тициана и Веронезе, Библиотеку Святого Марка, мост Риальто...

– А здесь жила Дездемона, – сказала она, беря его за руку – и словно тысячи огненных игл впились в его тело, обжигая. – Потом ее похитил жуткий ревнивый Отелло!

Она повернулась к Глебову, как бы намекая на некую свою и его причастность к сему факту, и медленно, с придыханием засмеялась. А он с ужасом почувствовал, с каким наслаждением можно сжимать железными пальцами нежное женское горло...

– Все мужчины ревнивы? – заигрывая, спросила Магда. – И ты тоже мог бы убить? Признайся...

Он, плохо соображая, кивнул.

– Здесь жила Дез-де-мо-на... – гортанным голосом воркующей голубки повторила она. – Слышишь звенящие колокольчики? Ее имя все еще звучит здесь...

Алексей поднял глаза на маленькое палаццо с высокими стрельчатыми окнами и ажурными балконами.

– В лунную ночь она выходит на балкон, – прошептала Магда, прижимаясь к нему. – Хочешь ее увидеть?

– Нет... нет. Зачем?

Он наклонился и сухими от жара губами неловко поцеловал ее в подбородок, в шею, в вырез платья. Лодка, где они сидели, покачивалась на мутной воде, и оттого все вокруг казалось зыбким, нереальным. На стене дворца мерцали солнечные пятна.

– Женщины ревнуют сильнее мужчин, – проговорила она, не отстраняясь. – Если ты мне изменишь когда-нибудь... я тебя убью.

Ее слова были тем более странными, что Глебов в любви не объяснялся и клятвы верности не давал. Но после этого он уже оказался связанным такой клятвой – и не только не возражал, а обомлел от счастья. Прикажи она ему сейчас умереть – он бы, не раздумывая, бросился в канал.

Наверное, его заворожили, околдовали средневековые камни, неуловимый дух Венеции и флюиды нескончаемой череды любовников, дающих друг другу заведомо невыполнимые обещания.

На следующий день пошел дождь. Капли косо падали в воду, и город, подобно стыдливой красавице, надел серебристую вуаль. Сквозь нее проступали призрачные арки и колонны, византийские купола церквей, готические шпили.

Волосы Магды намокли и завились на концах колечками, влажная кожа блестела.

– Сверху Венеция похожа на рыбу, – говорила она, склонив голову на плечо Глебова. – Голова, брюшко, хвост... Но любоваться ею надо не с неба, а с воды. Она создана для взгляда из лодки. Ее нельзя пройти... только проплыть. Ты когда-нибудь стоял на коленях перед женщиной? – вдруг спросила Магда.

– Нет, – честно признался он.

– На этот город нужно смотреть, как на женщину с колен, – с восхищением и любовью...

Венеция слилась с Магдой тем дождливым днем. Они обе обожали украшать себя и любоваться своей красотой. Одна гляделась в зеркало, другая – в воду. Поэтому зеркала родились именно здесь – на острове Мурано – и стали называться венецианскими.

Магда жила в маленькой гостинице далеко от центра – она ненавидела шум, толпу, громкую музыку. Туда она и привела Глебова, когда они совсем вымокли и продрогли. Угощала его густым сладким вином, и он неожиданно захмелел, потянулся к ней холодными губами, опрокинул на спину, навалился, разрывая скользкий шелк платья... Магда смеялась и стонала, ее зубы блестели в красном сумраке тесного номера, зрачки вспыхивали, как кошачьи глаза, а тело извивалось, принуждая его применять больше силы. Глебов никогда бы не поверил, что способен на такое – не совладать с собой, наброситься на женщину, порвать одежду... Кошмар! Их неистовая любовная борьба закончилась взрывом, который ослепил и оглушил Глебова, опустошил его, вынул у него сердце и бросил к ногам Магды...

Она заставила его опуститься на колени и вымалывать прощение.

– Ты насильник! – смеялась она. – А я люблю нежных мужчин... Ты едва не растерзал меня.

Он каялся, хотя был уверен, что она сама этого хотела.

Магда подошла к окну, подозвала его жестом насытившейся львицы и приподняла красные шторы. Темноту, полную дождя, прорезывали огни. По черной воде узкого канала плыла лодка, в ней стояли люди в традиционных итальянских карнавальных костюмах – Шут, Арлекин, Пьеро, Колумбина, Панталоне. Звучала музыка... Один из ряженных поднял голову и помахал кому-то рукой.

Магда побледнела и отшатнулась.

– Что с тобой? – удивился Глебов.

– Он нас увидел... – растерянно прошептала она.

– Кто?

– Не важно... Кто угодно. Чужой... Маска!

– Так ведь карнавал скоро. Венеция – город масок.

– Раньше здесь все ходили в масках... – кивнула она. – От дожа до последней служанки или торговки рыбой.

– Чего ты испугалась?

– Я? Кто тебе сказал?

Она, совершенно нагая, была прелестна. Свет проникал с улицы в комнату через красные шторы и придавал ее коже и волосам бронзовый оттенок.

– Не смотри на меня... – смутилась Магда. – Давай притворимся, будто это не мы. Другие любовники, например, мавр и Дездемона. Или Ромео с Джульеттой...

Глебов засмеялся.

– Тебе весело, Алекс? Я сумела тебя развеселить?

Она грациозно присела и достала из тумбочки две белые маски volto,⁵ – настоящие, венецианские. Протянула одну Глебову, другую надела сама.

– Теперь это уже не я и не ты...

Ее обнаженное тело, распущенные по плечам волосы и белоснежное «лицо» с темными прорезями для глаз производили странное впечатление. Она приблизилась к Глебову и провела по его торсу ладонями, едва касаясь. Ее пальцы порхали, а неподвижное «лицо» замерло напротив него. Две маски сделали их таинственными незнакомцами и дали свободу фантазии. То, что целоваться уже было нельзя, оказалось очень эротичным...

Ночной ветерок приподнимал шторы, неся с собой острый, свежий запах лагуны, прохладу и отголоски музыки. Где-то веселились участники будущего карнавала, кто-то быстро переговаривался по-итальянски на первом этаже гостиницы... Все это смешивалось с дыханием женщины-маски, исходящей от нее страстью, пропитанной ароматом абсента и миндаля...

Эта венецианская ночь открыла Глебову всю глубину его невежества в любовной мистерии, когда мужчина и женщина священнодействуют как два вселенских начала, а не как два жаждущих оргазма двуногих. Женщина-маска вела его за собой по лабиринту наслаждений, где он познавал таинство за таинством, посвящение за посвящением...

Эта ночь превратила его в раба. Он окончательно потерял голову. Первое, что он сделал, проснувшись в полдень, – начал умолять Магду стать его женой. Она отказывалась. Позвонила и заказала в номер устрицы, виноград и шампанское. Без маски, в тонкой желтой тунике она выглядела милой и утомленной долгими ласками. Ей хотелось валяться в постели, потягивая вино, курить кальян.

– Я люблю тебя... – твердил Глебов. – А ты?

Она смеялась над его признаниями, и ему самому стало вдруг неловко – такими пустыми, ничего не значащими показались слова «люблю», «выходи за меня замуж». Он впервые осознал, как беден, несовершенен и груб язык людей и как он сам беспомощен и неуклюж в попытке выразить свои чувства.

Магда сжалилась над ним и закрыла ладонью его губы:

– Молчи...

⁵ Volto – нейтральная маска, копирующая классическую форму человеческого лица.

Глава 4

Москва

Господин Феоктистов, отдуваясь, прогуливался по одичавшему парку. Ранней весной здесь особенно ощущалось запустение. Если бы не аллеи, неухоженные посадки выглядели бы как редколесье. Снег на дорожках растаял, обнажив прошлогоднюю листву, и ботинки бизнесмена оставляли в ней глубокие вмятины. Он с трудом, сетуя на свою тучность, добрался до круглой беседки с колоннами и остановился, любуясь открывшимся видом. Лес и равнина с черными проталинами на ослепительном солнце казались синеватыми.

Охранник поставил боссу раскладной стульчик в беседке.

– Не буду сидеть, холодно, – буркнул тот. – Убери!

– Хорошо, Игорь Владимирович, – кивнул тот, не двигаясь с места.

По опыту он знал: босс умаялся, но не садится из гордости. Отдышится и сядет, начнет философствовать. Братцевский парк располагал его к пространным рассуждениям о бренности всего мирского, о забытых судьбах некогда богатых и влиятельных людей, о нетленной красоте природы...

На сей раз охранник ошибся – Феоктистов достал телефон и призвал к себе начальника по безопасности.

«Чудит старикан, – думал охранник. В его двадцать четыре пятьдесят шесть лет Феоктистова представлялись старостью. – То велел Таврину в машине оставаться, то теперь зовет. Семь пятниц на неделе! Интересно, в его возрасте все такими становятся?»

Начальник охраны не заставил себя ждать. Хозяин любит исполнительность и расторопность, его лучше не злить. Особенно, когда у него почки пошаливают.

Перед этим Феоктистов заезжал в частную клинику, к известному в Москве профессору-урологу. Поступал он так в самом крайнем случае, когда справляться с болезнью становилось неважно, – Игорь Владимирович терпеть не мог больницы и все, что напоминало о хрупкости человеческого организма и смерти.

Игорь Владимирович с брезгливой гримасой уставился на Таврина – молодость, отличная физическая форма и мужественные черты лица начальника службы безопасности невольно составляли контраст заплывшей жиром фигуре и одутловатой физиономии коммерсанта. Нарушение обмена веществ зашло так далеко, что никакие процедуры, заграничные курорты и самые чудодейственные диеты уже не помогали Феоктистову сбросить вес. При всем том он умудрялся волоочиться за хорошенькими женщинами и покупал их любовь, не жалея денег. А их Феоктистов успел заработать столько, что хватило бы на три жизни. К сожалению, в его распоряжении была только одна, что ужасно удручало Игоря Владимировича.

– Чем порадуешь, любезный? – раздраженно проскрипел он. – Как твой подопечный?

Охранник смотрел вдаль, делая вид, что не прислушивается. Возможно, ему и правда было наплевать на разговор между боссом и Тавриным, но они сразу условились не называть имен. Береженого Бог бережет.

– Вы, как всегда, оказались правы, Игорь Владимирович, – понизил голос начальник по безопасности. – У него есть любовница.

– Кто такая?

– Пока неизвестно. Выясню, Игорь Владимирович.

– Поторопись, Гриша. Не люблю ждать. Стервец, а? Что его не устраивает, по-твоему?

– Трудно сказать, Игорь Владимирович.

Господин Феоктистов был очень богат и очень сластолюбив. Несмотря на проблемы со здоровьем, он умудрялся менять одну женщину за другой. Его первая жена умерла несколько лет назад, со второй он развелся и дал волю своему либидо. Хотя обе супруги не мешали его похождениям, свобода от брачных уз дала новый толчок увлечениям Игоря Владимировича. Он выслеживал понравившихся ему женщин, охотился за ними, как голодный лис за дикими уточками. И уж если они попадали к нему в пасть, то шансов вырваться не было никаких – деньги и подарки, которыми он их осыпал, творили чудеса. Стройные блондинки, пышногрудые брюнетки, рыженькие и русые, тонкие и в меру упитанные дамы сами шли к нему в руки, заигнотизированные толщиной его кошелька и обходительными манерами. При всей своей несоблазнительной внешности, он умел угодить женщинам и превосходно знал их слабые места.

Насыщаясь, Феоктистов отпускал их с миром и порой награждал приличным приданным – если партнерша пришлась ему очень по вкусу, она могла рассчитывать на его щедрость. Расставшись с очередной подружкой, он никогда больше не вспоминал о ней, словно та раз и навсегда исчезала не только из его постели, но и вообще из жизни.

В последний год кое-что изменилось. Не то наступило затишье в душе Феоктистова, не то он выдохся, – возраст, как ни крути, почки, сердечко, давление, избыточный вес опять же... Словом, банкир уgomонился, перестал стрелять глазами за каждой юбкой и облизываться при виде кругленькой попки и длинных ножек. И вот новый всплеск.

«Рано в расход списали босса, – думал Таврин, стоя за его спиной и переминаясь с ноги на ногу. Он был щеголем, и вместо теплой обуви носил модную, что иногда доставляло неудобства. – Феоктистов еще в силе. Ишь, как его *разбирает!*»

– Прекрасная беседка, – вдруг сказал тот, поворачиваясь к начальнику охраны. – Но в негодном состоянии. Капитальный ремонт нужен, реставрация. Колонны облупились, свод потрескался...

«Тебе бы тоже не помешала реставрация», – отметил про себя Таврин.

Никто не спрашивал его мнения, поэтому он сдержанно улыбнулся и слегка наклонил голову. Ожидаю, мол, дальнейших указаний.

– Видишь постамент? – Феоктистов указал пальцем на середину беседки. – Здесь раньше статуя Амура стояла. Из мрамора. А теперь – пустой пенек. Безобразие...

Таврин научился читать мысли босса, тем более, что у Феоктистова они текли в одном направлении. Не зря он заговорил об Амуре.

– Ну, как она – хороша?

– Хороша, Игорь Владимирович.

Таврин знал толк в женщинах. Он был женат, но позволял себе связи на стороне.

– Ты гляди у меня! – погрозил пальцем толстяк. – И думать не смей! В порошок сотру... Видишь, болота в низовье? Туда если труп бросить, нипочем не найдут.

Таврин напрягся. Молодой охранник вздрогнул, по его накачанному телу побежали мурашки. Он старательно разглядывал кору на ближайшей березе, жалея, что не отошел подальше.

– Она опасная женщина, Игорь Владимирович, – прошептал Таврин, наклоняясь к боссу. – Может быть, не стоит...

– Ты кто такой, чтобы меня учить? Твое дело – мои приказы выполнять! Стоит, не стоит... Что вы понимаете, сопляки? Все в жизни чего-то да стоит, только мало кто истинную цену знает. А еще меньше способных заплатить...

* * *

Камышин

Матвей натопил баню. В парной висел горячий травяной туман. Здесь все было деревянное, душистое: стены, пол, полоток, настилы, бочка с водой, бадейка, ковш для обливания – и он в очередной раз порадовался, как хорошо тут все устроил.

– Ну, все, иди... – выпроваживала его Астра. – Я сама буду мыться.

– Не угоришь?

– Постараюсь.

– А веничком кто по тебе пройдет?

Его взгляд остановился на сумке, которую она захватила с собой в предбанник, и его брови поползли вверх.

– Ты что, взяла с собой *зеркало*?

– Да, взяла. Для гадания. Оказывается, гадать надо ночью, в бане, нагишом. Мне Катя рассказала.

Катя – двоюродная сестра Астры по линии матери – недавно приезжала из Богучан в Москву: погостить, повидаться с родственниками. Ей представили Матвея как будущего зятя Ельцовых.

– Мужчинам можно присутствовать? – на всякий случай спросил он, уже предвидя отрицательный ответ.

– Ни в коем разе! Давай выходи отсюда. Мне нужно подготовиться.

– Девушки хотят суженого в *зеркале* увидеть. А тебе зачем гадать? Я твой суженый!

– С чего ты взял? Мы просто играем... в жениха и невесту.

Она бывала невыносима. Матвей старался не выказывать разочарования.

– Ты уйдешь или нет?

Он нехотя удалился. Оставшись одна, Астри отчего-то погрузилась, вздохнула. Что ей хочется узнать с помощью гадания?

Сняв с себя всю одежду, она достала *зеркало* и установила его на деревянной столешнице. Зажгла две свечи по бокам, села напротив... Золотистая венецианская амальгама слепила, отражая язычки пламени. У Астры перед глазами поплыли радужные круги... Может быть, от горячего влажного воздуха ей стало нехорошо. «Не надо было отпускать Матвея... – запоздало пожалела она. – Грохнусь в обморок ненароком и точно угорю».

Старинная бронзовая рама в завитушках делала *зеркало* похожим на картину в багете – только вместо изображения клубился какой-то туман.

– Это пар... – прошептала Астри.

Ее бросило в жар, а в раме действительно появилась картина – смутная, размытая. Дама в напудренном парике, в пышном платье с кружевами и оборками, улыбаясь, слушала любезности Арлекина. На ней была темная маска, Арлекин свою держал в руке. Он склонился к даме и говорил ей на ушко что-то приятное или смешное... Чуть в отдалении под сенью деревьев кружились в танце пары, в ночном небе рассыпался огнями фейерверк...

– Я знал, что тебе станет дурно с непривычки, – проговорил Арлекин и брызнул ей в лицо холодной водой. – Вижу, что зря послушался и ушел. Тебе совсем плохо.

Конечно, никакой дамы и Арлекина в помине не было. Астри сидела на лавке, в чем мама родила, а в *зеркале* отражались две свечи. Матвей деликатно набросил на нее полотенце и протянул кружку с квасом.

– Пей... полегчает.

– Я видела красавицу и Арлекина.

– Вспомнился Новый год? У меня тоже еще свежи в памяти Алина-Коломбина и Степа-Арлекин.⁶ Колоритная парочка.

– Это не то... – вяло возразила Астри.

Матвей имел в виду супругов Бутылкиных, с которыми они познакомились на недавней вечеринке в доме Борецкого. Бутылкины нарядились в костюмы итальянской комедии масок, но вели себя как русские муж и жена: он стрелял глазами по молоденьким девушкам, она ревновала и одергивала его.

– Степан и Алина поехали в Венецию. На карнавал.

– Не пропадать же костюмам? – съязвил Матвей. – Небось, кучу денег угрожали!

– Дама и Арлекин... – пробормотала Астри. – Есть такая картина? Или я что-то путаю?

После дела о «загадках Сфинкса» у нее пробудился интерес к живописи – она бродила по музеям, покупала глянцевые иллюстрированные альбомы.

– Искусство – особый мир, – говорила она. – Раньше я его почти не замечала. Он существует параллельно с нашим.

Матвей, который разбирался в искусстве на уровне интеллектуального минимума, необходимого, чтобы слыть образованным человеком, с удивлением обнаружил – картины и скульптуры перестали навевать на него скуку, наоборот, он как будто возвращался к забытому увлечению.

Однажды, любуясь вместе с Астрой пейзажами Шишкина в Третьяковке, он вдруг заявил:

– Петру I нравились картины фламандской школы – приморские места и гавани с парусными судами. Именно он завел в России обычай собирать картины и украшать дворцы и парки статуями. Подражая царю, так начали поступать и вельможи.

⁶ О связанной с этим детективной истории читайте в романе Н. Солнцевой «Золотой идол Огнебога».

– Откуда ты знаешь?

– Просто знаю...

В нем опять заговорил *Брюс* – тот был отлично осведомлен о вкусах государя-реформатора.

– Венеция нынче – туристическая Мекка, – сказала Астра, возвращаясь к разговору о Бутылкиных. – Каждый уважающий себя эстет считает своим долгом побывать там.

– Кто из них «эстет» по-твоему? – усмехнулся Матвей. – Алина или Степан? И вообще, мы париться собрались! Кому Венеция, а кому – камышинская банька!

Не слушая громких протестов, он, хохоча, подхватил ее на руки и понес в парную, в жаркий аромат раскаленных камней, дерева и распаренных листьев березы. Астра брыкалась, но Матвей не отпускал ее:

– Без меня ты выйдешь отсюда невытая!

– А царь Петр тоже в бане парился?

– Еще как парился! И царица с придворными дамами парились, как простые сенные девки...

– Врешь!

Астра хихикала и уворачивалась от горячего веника, пока не разомлела от душистого пара, от близости мужчины, от его прикосновений, приглушенного голоса, скрытого желания...

– Ты ведь влюбился в меня? Признайся!

– Ничего подобного.

– Ну и дурак! – Она закрыла глаза и отдалась его рукам. – Врешь ты всё...

Глава 5

Москва

Глебов вернулся домой за полночь, открыл дверь своими ключами. Магда, по-видимому, спала – ни звука не доносилось из-за двери ее спальни.

Он четверть часа принимал контрастный душ, пытаясь взбодриться. Осторожно, стараясь не шуметь, достал из бара бутылку коньяка, налил треть стакана и выпил маленькими глотками. Чтобы уснуть. Лег, невольно прислушиваясь, не разбудил ли жену. Диван в гостиной был жестким и неудобным, но идти сейчас в комнату к Магде, после...

Глебов застонал от досады и недоумения. Как он загнал себя в этот глухой угол? Как позволил всему этому произойти? За окнами шел мокрый снег. Мартовская погода капризна – то весна наступает, то зима зубы показывает. Свет фар проезжающих по дороге машин полосами проплывал по стенам и потолку. Глебов закрыл глаза. Нервное напряжение медленно отпускало, рассеивалось в сумеречном пространстве комнаты. Он задремал...

Его начали тревожить длинные и путанные сны. Он убегал от кого-то по узким улочкам, вымощенных камнем, прятался в темных грязных тупиках, прислушиваясь к топоту преследователей, потом сам крался за кем-то, затаив дыхание и всматриваясь в темноту. По отсыревшим стенам метались багровые отсветы факелов, где-то совсем рядом плескалась вода. Издалека доносилась мелодичная песня гондольера, печальная, берущая за душу...

«Это Венеция! – догадывался Глебов. – Опять Венеция, где мавр Отелло воспылил страстью к Дездемоне, увидев ее на резном балкончике изысканного палаццо. И чем все кончилось? Его тоже околдовал, очаровал этот город, в котором стремление к красоте и безудержному веселью стало культом. Но смех иногда переходит в слезы, а любовный пыл перерастает в опасное наваждение...»

Он с ужасом вспомнил, как ему самому хотелось задушить спящую Магду – чтобы избавиться от болезненной тяги к ней, к ее низкому мягкому голосу, к ее вкрадчивым жестам и бредовым речам. И ведь она даже не была красива! Ни одна ее черта не отвечала классическим канонам – лоб высоковат, рот немного велик, глаза чрезмерно длинные, хищные, как у рыси... он готов был поклясться, что они светятся в темноте. А фигура? Плечи худы, грудь тяжеловата, талия низкая, бедра широковаты, лодыжки сухие, как у ахалтекинской кобылы... Но она не оставила бы равнодушным ни одного художника, скульптора или поэта. Ее хотелось запечатлеть на холсте или в мраморе... описать поэтическим слогом. В ней чувствовалась *женщина*, свободная от предрассудков и мнения молвы, особенная, неповторимая, будто созданная на заказ в единственном экземпляре. Она несла на себе *клеймо небесного Мастера* – столь же соблазнительная, сколь и опасная. Она, казалось, могла всё – осчастливить, приворожить, убить, ограбить, зацеловать до изнеможения, измучить до смерти, высить и уничтожить, превратить в прах, в пыль на своих сандалиях... чтобы потом без сожаления, весело стряхнуть ее и пойти дальше, к новым триумфам. Она, словно гильотина, притягивала к себе взоры приговоренных к казни...

«Я готов положить голову под ее сверкающее лезвие!» – с ужасом признавал Глебов.

Магда сводила его с ума. Был только один способ стряхнуть с себя эту одержимость – убить ее. Страшная мысль молнией пронзила мозг Глебова, и он... проснулся. Приоткрыл глаза, глядя перед собой сквозь ресницы. Над ним нависла темная тень.

– Магда?

Он приподнялся и схватил ее за руку. Ее волосы были распущены, глаза вспыхнули желтым огнем. Или это проехал за окнами автомобиль, мелькнув фарами в ее зрачках?..

– Ты не спишь, Алекс?

– Спал, но... что ты здесь делаешь?

– Мне страшно.

«Рассказывай сказки! – покрываясь испариной, подумал Глебов. – Моя смертоносная Шехерезада! Я не так глуп... как султан из арабских легенд. Зачем ты сюда явилась?»

Он старался говорить беззаботным тоном:

– Тебе приснился кошмар?

– Нет... я... ты ничего не слышал?

Глебов изобразил на лице удивление – она сделала его не только искуснейшим любовником, но и отличным актером.

– Что ты имеешь в виду?

– Кто-то стоит у нас под дверью... – выдохнула Магда. – Или ходит.

– Неужели?

– Разве ты не слышал шаги?

«Я даже твоих шагов не слышал, дорогая. И почти позволил застать себя врасплох». Он смотрел на ее грудь под тонким кружевом сорочки, и волна неудержимого желания ударила его под сердце.

– Пусти... мне больно...

Он сообразил, что крепко стиснул ее запястье, но вместо того, чтобы разжать пальцы, потянул ее к себе.

Магда застонала, и он, перестав владеть собой, опрокинул ее, навалился, рванул синие кружева, обнажая ее белое теплое тело, такое нежное, влажное от любовной жажды... или от

страха? Он брал ее сильно, быстро, заставляя задыхаться и вздрагивать, кусать губы, чтобы сдержать крик... Она вся горела, но подавляла ответную страсть, отворачиваясь от его поцелуев. Его руку обожгла боль... Что это? Нож? О, боже...

Магда сжимала в руке нож, пряча его в складках пеньюара, а муж, ослепленный желанием, не заметил. В какой-то момент ее пальцы ослабели и выпустили рукоятку.

– Я порезался, – прошептал Глебов.

– Что, Алекс?

Она увидела кровь и приникла к ранке губами, слизывая соленые капли. Он отстранился и привстал.

– Откуда здесь нож?

На смятой простыне лежал итальянский кинжал-стиллет с острым трехгранным лезвием. Магда купила его в Венеции у старого антиквара, похожего на астролога, – с длинными седыми волосами, в бархатной одежде, – вернее, Глебов сам купил.

– Какой стиллет! – замерла от восхищения она.

Продавец на ломаном английском принялся расхваливать товар.

– Он чудо как хорош! Такое оружие в драгоценных ножнах носила на поясе сама Мария Медичи, флорентийка, ставшая королевой Франции.

Он заученно повторял басню, предназначенную для легковверных туристов. Это был его хлеб. Кто станет задорого покупать обычный нож? А вот упоминание знаменитой фамилии *Медичи* сразу все меняет. У людей блестят глаза, и руки сами тянутся к заветной реликвии. Еще бы! К этому стиллету, быть может, прикасалась французская королева, мамаша Людовика XIII, прославленного благодаря романам Дюма-отца, свекровь Анны Австрийской, о подвесах которой знает весь мир – ведь именно за ними отправились в Англию д'Артаньян и три мушкетера.

– Я хочу! – засияла Магда.

Разве мог Глебов отказать ей? Он выложил за стиллет кругленькую сумму и с мыслью: «Это надувательство чистой воды!» – улыбаясь, преподнес его молодой женщине. Та расцвела и с тех пор не расставалась со стиллетом, носила его в сумочке вместе с пудреницей и чуть ли не под подушку клала.

– Кинжал считается холодным оружием, между прочим, – как-то сказал он Магде.

– Да... – Она забавлялась стальным лезвием, как любимой игрушкой. – Он очень красив... правда, милый?

– У тебя могут быть неприятности из-за него.

– *А без него?* Вдруг, кто-нибудь нападет на меня? Ты такой строгий, Алекс! Как мой отец...

Нелестное сравнение охладило Глебова, и он перестал воспитывать Магду. В конце концов, она знает, что делает.

И вот теперь злополучный стиллет оказался у него в постели – слава богу, что не в сердце.

– Зачем ты принесла нож? – сияясь выдавить усмешку, спросил он.

– Я испугалась...

– Хотела перерезать мне горло?

– Ты что... Алекс? Мне показалось, за дверью кто-то ходит. Вдруг какой-нибудь вор или бандит собирается забраться в квартиру?

– Через бронированную дверь?

– Я просила тебя установить сигнализацию.

– Кто захочет влезть, того не остановишь. У нас нечего брать! Деньги я храню в банке.

– А мои драгоценности?

– Если их украдут, я куплю тебе новые.

– Ну, Алекс... Ты меня совсем разлюбил, да? – капризно протянула она, сморщив носик.

На ее губах была кровь – его кровь. Совсем как в фильмах про вампиров. В свете, который проникал в гостиную из спальни, кровь казалась черной. Глебов вытер руку о простыню, – порез был неглубокий, но кровоточил и саднил.

Магда взяла стилет и, словно обжегшись, бросила его на пол.

– Прости... я не ожидала, что ты на меня... накинешься. Сам виноват.

Глебов поднял клинок и приставил к ее груди. Лезвие, неоправданно острое для сувенирного изделия, блеснуло холодной сталью.

– Давай, убей! Ну же! – с вызовом произнесла жена. – Ты ведь это собираешься сделать?

– Не боишься?

– Тебя? Нет...

На лбу Глебова выступили капельки пота.

– Роса страсти... – плотоядно улыбнулась Магда. – Или страха... Слова похожи, а чувства? Что ты сейчас чувствуешь, Алекс?

– Черт... Насмотрелась дурацких фильмов по телевизору. Вообразила себя Шарон Стоун!

– Я не смотрю телевизор. Давно, с тех пор, как погибли мои родители, и я услышала об этом в новостях...

– Извини...

– Я ненавижу кино, – прошептала Магда, переворачиваясь на спину. – Там воображаемая жизнь, которой люди подменяют свою. Вот ты живешь в полную силу? Или всё воображаешь? Каким ты должен быть, как вести себя, как любить женщину, как заниматься сексом?

Она ставила его в тупик своими вопросами.

– Терпеть не могу слово «секс»!

– Я тоже, – не растерялась Магда. – Скажи, что у нас с тобой было только что? Любовь? Но разве она случается время от времени?

«Заговаривает мне зубы, – думал Глебов. – Отвлекает от главного: зачем стояла надо мной с ножом».

– Ты сильно изменилась с тех пор, как мы встретились.

– Правда? Тебе следовало узнать меня получше, прежде чем набиваться в мужья.

Фраза, которую он собирался произнести, застряла у него в горле. Магда умела резать по живому – она бывала жестока, как дети, не приученные щадить других.

«Так больше не может продолжаться, – повторял про себя Глебов. – Мы оба доведем себя до чего-нибудь ужасного, непоправимого...»

– Ты хотела меня убить, – утвердительно произнес он.

– Какая ерунда. Я же объяснила, что...

Он вскочил, отбросил одеяло и босиком, без одежды направился к входной двери. Прильнул к глазку. Разумеется, лестничная площадка была пуста...

Они с Магдой были женаты пять лет, а он так и не привык к ее причудам. Она действительно изменилась – после того случая... Однако у нее и раньше хватало странностей.

«Должно быть, не она очаровала меня, а соленое, жаркое дыхание Венеции, мистического города влюбленных и поэтов, веселых женщин, музыки, праздной и праздничной толпы – города, который живет удовольствиями и ради удовольствий. Я просто подхватил там заразную болезнь!»

В нем проснулся врач, предложив гомеопатический рецепт: *подобное исцеляется подобным*. Венеция его околдовала, она и избавит от заклятия...

* * *

Франция, XVI век. Париж, Лувр

Маргарита поспешно зашнуровала корсет, оделась без посторонней помощи, сунула ноги в изящные сафьяновые туфельки и через потайную дверцу вышла в коридор.

У нее был собственный маленький двор – несколько дам, фрейлин, камеристок с прислугой, священников, секретарей и дворецких. Был даже казначей. Однако принцесса в совершенстве овладела искусством ускользать от них, когда ей было нужно.

Лувр представлял собой сложный лабиринт, но она прекрасно ориентировалась в многочисленных переходах, лестницах и коридорах. Главное – не попасться на глаза какой-нибудь влюбленной парочке. Резиденция французских королей напоминала бордель и кишела авантюристами и искателями монарших милостей. Тщательно охранялись только покои ее брата Карла и королевы-матери. В апартаменты остальных обитателей Лувра при определенной ловкости можно было попасть без труда.

– Вы демонстрируете грубость нрава, дитя мое, – высокопарно поучала Маргариту мать. – Вы благородная принцесса, а не уличная девица. Вы ведете себя неподобающе. Особам королевской крови не пристало...

Марго думала о своем во время длинной проповеди, но делала вид, что слушает. Мать – несмотря на дворцовый этикет – могла по-родственному залепить дочери затрепину. Рука у нее была тяжелая, как и взгляд.

Платье из бледно-красного атласа, расшитое золоченой тесьмой и жемчугом, сидело на Маргарите как влитое. Вот только подол шуришит, создает лишний шум. Она подхватила его, на носочках поднялась по каменной лестнице и прильнула к щели, откуда пробивался желтый свет. Этот проход как-то показал ей герцог Гиз, чтобы она бегала к нему на свидания. Он сказал, что «старуха» – так он называл Екатерину – приказала оборудовать в этом крыле комнату для своего колдуна.

– Они там запираются по ночам и шепчутся, – смеясь, говорил он. – Плетут заговор против несчастного братца Анри. «Пора положить конец бесчинствам короля Наварры!» – передразнил он королеву-мать. Наверное, она поручила флорентийцу изготовить отравленные духи для бедного вождя гугенотов! Ха-ха-ха!

– Напрасно смеешься... Мамашия не так проста. Уж если она Диану терпела столько лет, то из-за Генриха и давно рук мараить не станет. Она придумает что-нибудь похуже... или уже придумала.

– Поделом ему... – беззаботно пробормотал Гиз и потянулся к ней красивыми губами. Марго сразу обо всем забыла. Козни матери и ее астролога отошли прочь, ее юное нежное тело охватила страстная истома...

– Жить без тебя не могу... – прошептала она, отрываясь от герцога.

– Давай поженимся и будем править Францией. Наследник могущественного Лотарингского дома вправе претендовать на руку принцессы Валуа. Твои братья – хилые и безвольные... Я сделаю тебя самой очаровательной и великой королевой!

– Не говори так...

Образ возлюбленного появился перед ней и пропал. Ей нельзя выбрать себе мужа по любви. Принцесс выдают замуж по иным мотивам, «сообразно государственной выгоде», как твердит Карл. Никогда ей не быть счастливой...

Она знала, что ни одному из ее братьев не удалось вырваться из-под опеки Екатерины. Они надевали корону, но чувствовали себя беспомощными перед лицом потрясающих страну кризисов и политических смут.

Будущая королева Марго, воспетая в романах Александра Дюма-отца, не подозревала, благодаря кому обретет славу в веках. Не знала она и о превратностях своей судьбы, о любовных драмах, которые предстоит пережить ее пылкому сердцу. В тот промозглый осенний день ее волновало другое. Чем занимаются в сыром и сумрачном крыле дворца королева-мать и проклятый колдун? Что они затевают?

Замирая от страха и любопытства, она прильнула к щели, откуда прибывался свет, и увидела старую пыльную гардеробную, заваленную сундуками и ворохами ненужной одежды. Кто-то оставил там зажженную свечу – вероятно, Екатерина.

«Они здесь! – обрадовалась Маргарита. – Я не ошиблась! Тот угрюмый человек, мелькнувший в толпе слоняющихся по дворцу прихлебаев, – это он, Руджиери. Никем не замеченный, он проскользнул сюда и ожидает «аудиенции». Вдруг они не просто королева и подданный?»

Мысль о том, что мать и Руджиери – любовники, рассмешила принцессу. Она внимательно осмотрела стены гардеробной. Огонек свечи колебался, отклоняясь вправо. Значит, где-то в той стороне – потайной вход. Долго искать не пришлось. Шкаф для белья служил дверью в соседнюю комнату: типичный для дворца трюк. В детстве они с братьями играли в прятки, пользуясь таким же шкафом-дверью.

Маргарита потянула створки на себя, стараясь не шуметь, – они беззвучно отворились: заржавелые петли кто-то обильно смазал – она не заметила, как испачкала манжет. Теперь до нее донеслись приглушенные голоса – мужчина и женщина говорили по-итальянски. Точно, они! Разобрать слова было невозможно.

Сколько Маргарита простояла так, вся превратившись в слух, она не знала. Долго. Ноги устали, в нос набилась пыль. Только бы не чихнуть!

Наконец королева-мать и астролог наговорились вдоволь. Непокорная дочь чудом успела погасить свечу и нырнуть за огромный сундук, как задняя стенка шкафа повернулась, пропуская двоих, одетых в черное. Маргарита, ни жива ни мертва, затаила дыхание.

– Свеча погасла, – произнесла по-итальянски Екатерина. – Здесь кто-то был?

Ее широкая юбка задела сундук, за которым пряталась принцесса.

– Наверное, воздухом задуло...

– Ничего не видно...

– В коридоре горит факел, ваше величество...

– Тсс-с! Не называй меня так...

Они покинули гардеробную, не зажигая свечи. Платье королевы-матери обдало Маргариту запахом дыма. «Они что-то жгли!» – догадалась она.

Руджиери зацепился за какой-то крючок в темноте, издал недовольный возглас. Что-то упало и покатило по истертому ковру к ногам принцессы.

– Тише... Иди вперед... – донесся до нее голос Екатерины. – Нас не должны видеть вместе...

Их шаги растаяли в переходах Лувра, а Марго все сидела за сундуком, стараясь унять бешеный стук сердца. Мать и этот мрачный флорентиец наводили на нее необъяснимый ужас.

Не скоро она пришла в себя, отдышалась и выбралась из своего убежища. Что-то покатило под ногами... Предмет, который уронил Руджиери? Или потерял? Маргарита наклонилась и подобрала с полу небольшую вещицу...

Глава 6

Москва. Наше время

Господин Феоктистов проглотил таблетку, запил водой и поморщился. У него испортилось настроение. Махнуть бы куда-нибудь на недельку, другую... Так нельзя – бизнес. Дел навалилось – не разгребешь.

Он поднял на Таврина выпуклые бесцветные глаза, постоянно подернутые влагой, с желтоватыми белками и красными прожилками.

– Ну, что ее муж?

Феоктистов и начальник службы безопасности обедали в кафе на первом этаже собственного офиса. Хозяин нуждался в диетической пище, ему повар готовил отдельно. Вообще-то не в привычках босса было разговаривать за едой, тем более делить трапезу с подчиненными, но уж очень его интересовала Магда Глебова – просто покоя и сна лишила. Только аппетит, к сожалению, не пострадал.

– Кажется, куда-то собирается.

– Кажется? Не разочаровывай меня, Гриша.

Таврина звали Григорием Ивановичем, но босс ко всем сотрудникам обращался только по имени.

– В ближайшие часы у меня будут точные сведения.

– Ты деньги не экономь. Не тот случай. Если мало, я еще добавлю.

Секретарша Глебова – вертлявая крашенная девица Юля – снабжала Таврина информацией о своем шефе. Она сообщила, что тот куда-то наострил лыжи, но куда именно – пока неизвестно. Девица оказалась корыстной и без колебаний согласилась «стучать» на Глебова.

– Если меня уволят, вы мне поможете найти новую работу? – спросила она.

Таврин заверил, что она может не беспокоиться.

Завидев долларовые купюры, секретарша даже не потребовала у него «корочку», подтверждающую легенду: он представился сотрудником спецслужбы, правда, умолчал какой. Девицу интересовали деньги, а не его профессиональная принадлежность.

– Я хочу с ней встретиться... – тяжело роняя каждое слово, вымолвил Феоктистов.

– Устроим, Игорь Владимирович. Только...

Толстяк хлопнул ладонью по столу так, что зазвенели тарелки.

– Не надо давать мне советов! – проревел он. – Ты выяснил, куда она ходит? Где бывает?

– В последнее время госпожа Глебова сидит дома.

– У нее есть машина?

– Да. Ездит на «Пежо» синего цвета. Крайне редко садится за руль. Вызывает такси, или муж ее отвозит, куда надо. Простите...

Мобильник Таврина издал мелодичный сигнал – звонила «завербованная» им секретарша.

– Я видела у него билет на самолет, – скороговоркой выдала девица. – В Венецию.

– Один билет?

– Да! Вылет завтра. Он предупредил, что отлучится на недельку.

– Вот как? Спасибо, Юленька, с меня причитается.

Начальник по безопасности вздохнул с облегчением.

– Объект завтра улетает в Венецию, – сказал он Феоктистову. – Судя по всему, один, без жены.

– С любовницей?

– Судя по всему, нет.

– Что ты заладил одно и то же! – раздраженно скомкал салфетку банкир. – «Судя по всему»! Надо знать, а не предполагать.

– Узнаем.

– Проследи за ним до аэропорта. Нет, лучше до самолета.

– Хорошо.

* * *

Она любила смотреть на стену, увешанную картинами и фотографиями. На всех – женщины-Коломбины, разных времен, в разных костюмах, с разными лицами.

Портрет актрисы Бьянколелли из известной в семнадцатом веке актерской семьи – прелестная итальянка, изящная, стройная, в широкой юбке с оборками, ярком корсаже, белом переднике и шляпке, с корзиной в руках, где сидят две голубки. «Colomba» по-итальянски значит «голубка». Вероятно, отсюда и – Коломбина.

Знаменитая Тамара Карсавина, талантливая балерина начала двадцатого века, признанная «царица Коломбин». Звезда Мариинского театра и дягилевских «Русских сезонов» в Париже.

Другие женщины, изображенные художниками и запечатленные фотографами в кокетливых нарядах этой легкомысленной и обворожительной *субретки*. Кто она? Героиня уличных представлений? Незамысловатый сюжет спектаклей для простонародья пришел из театра кукол и крутился около супружеской измены, где любовники всячески водят за нос тех, кто пытается помешать их блаженству. Типичные персонажи любовной интриги оказа-

лись бессмертными, они путешествовали из века в век, из города в город – сначала вместе с кукольниками, потом с труппами бродячих артистов, потом стали прародителями драматического театра в Европе.

И теперь без них не обходится самое великолепное, пышное и веселое зрелище – венецианский карнавал. Тысячи людей приезжают со всего мира, чтобы собраться на центральной площади Венеции и, затаив дыхание, ждать, пока с колокольни собора Святого Марка слетит бумажная голубка. Тогда множество Арлекинов, Пьеро и Коломбин затопят узкие тротуары, займут мраморные балконы, пустятся в пляс, усядутся в празднично украшенные гондолы и отправятся на водный парад. А в старинных палаццо ночи напролет ярче звезд будут гореть окна, греметь музыка, и самые изысканные дамы и кавалеры наденут костюмы простака из Бергамо Арлекина и наивной крестьянской девушки Коломбины. Какие там сшитые на скорую руку лоскуты и заплаты? На бал-маскарад для избранных в чем попало не пустят. Нынче изготовленные по средневековой моде платья обойдутся своим обладателям в тысячи евро.

Она каждое утро подходила к сшитому на заказ наряду Коломбины, вдыхала запах атласа, парчи и кружев... запах богатства, приключений и запретной любви. У нее будет все это... Уже есть. Она поедет в Венецию и встретится там с красивым мужчиной, готовым исполнять ее капризы. Он не увидит ее лица – только маску. Таково ее условие.

Самолет завтра. Они поселятся в разных гостиницах, и он будет приходить на свидания в ее номер – так же, как в Москве приходит в снятую для тайных встреч квартиру. Они никогда не зажигали света – только одну свечу. Это тоже было ее условием. Он называл ее Маска, и ей это нравилось. Тайна придает любви особенно пряный вкус.

Почему она выбрала образ Коломбины? Разве у нее есть что-то общее с деревенской девицей, которая то и дело попадает впросак из-за своей наивности? Отчасти да. В основном – нет. В том-то и прелесть перевоплощения! Если поменять привычки, одежду, манеры, лицо и даже имя, возможно, удастся перехитрить судьбу.

Время внесло поправки в традиционные черты Коломбины, придало ей лоска, остроумия, изящества, ловкость превратило в лукавство, грубое кокетство – в умелый флирт. Чем не символ «неуловимой женской души»?

Жизнь – это карнавал. Театр марионеток. Представление комедии *дель арте*. Или смесь первого, второго и третьего.

Она раскрыла чемодан, побросала туда заранее приготовленные вещи. Маска станет ее главным орудием – тесно прилегающая к лицу, цвета слоновой кости с красными и золотистыми узорами, с узким разрезом глаз. Так, что еще? Тщательно подобранная косметика, духи, украшения.

Она осторожно сняла платье Коломбины с плечиков, подошла к зеркалу – большому, где можно увидеть себя во весь рост, – приложила наряд к телу и долго, придирчиво смотрела на отражение: свое и не свое. Красивая молодая дама глядела на нее *с той стороны*. Она слегка кивнула головой, и дама в точности повторила ее движение.

– Мы едем! – торжественно произнесла она. – Это решено.

Дама тоже пошевелила губами. Она была очень похожа на живую женщину, но все-таки другая. Отстраненная, холодная и какая-то бледная. В ее глазах промелькнуло предостережение...

Глава 7

Астра и Матвей вернулись в Москву. На Ботанической улице он притормозил у ее дома и спросил в надежде, что она пригласит поужинать или предложит остаться на ночь:

– Что будешь делать?

– Займись Арлекином и дамой.

Она уже вся погрузилась в догадки и раздумья, под которыми не было никакой реальной подоплеки. Теперь засядет за книги, залезет в Интернет, откуда ее не вытащишь. Впрочем, он не раз убеждался: стоит ей произнести некую сакраментальную фразу о то ли увиденных в *зеркале*, то ли вообразенных ею образах... как они начинали материализоваться.

Поездка в Камышин заставила Матвея признать: он привязался к Астре сильнее, чем хотел, чем мог предположить. Почему же их отношения застыли в неопределенности? Должно быть, они оба чего-то боялись. Разочарования? Обыденности, которая приходит на смену романтической любовной прелюдии? Скуки? Болезненного разрыва?

В период ухаживания мужчина выплескивает всю свою фантазию, а женщина – искусство флирта. Они исчерпывают ресурсы раньше, чем успеют насладиться результатами затраченных усилий. Финал удручает как его, так и ее.

«Возможно, мы бессознательно стараемся продлить очарование друг другом, – думал Матвей, помогая Астре выбраться из машины. – Возможно, я ошибаюсь и с ней все будет иначе? Но мне не хватает смелости это проверить...»

Март выкрасил город в серые и черные цвета. Ночами подмораживало. Лужи покрывались хрупким ледком, а днем все таяло.

– Я провожу тебя... – предложил он. – Сумку донесу.

– Она легкая! – улыбнулась Астра. – Я сама.

Матвей задержал ее руку в своей, ощущая сквозь перчатку тепло ее ладони.

«Черт! Я становлюсь сентиментальным...»

– Знаешь, что страшнее всего? Счастье... – прошептала она, касаясь его щеки холодными губами.

Через час он уже сидел в гостиной своей квартиры, попивая коньяк и сожалея, что не напросился в гости к Астре. Они только расстались, а ему уже не хватает ее голоса, ее несусветных выдумок и даже ее молчания.

После обеда она позвонила и с придыханием, театрально произнесла в трубку:

– Есть такая картина художника Константина Сомова – «Арлекин и дама»!⁷ Точь-в-точь, как я видела в *зеркале*. Ты заинтригован, милый?

– Несказанно...

– Хочешь еще новость? Нас ожидает новое расследование.

– С чего ты взяла?

– Мне позвонил один человек... господин Глебов. Он вчера прилетел из Венеции.

– Бьюсь об заклад, твой телефон ему дали Бутылкины. Они увиделись на площади Сан Марко, обрадовались встрече. Где еще могут встретиться русские люди, как не на африканском сафари или венецианском карнавале?

– Угадал! – тихо рассмеялась она. – Только карнавал уже закончился. Правда, для кого как. Так вот, этот Глебов когда-то доставал редкие препараты для их ребенка, и Алина решила оказать ему ответную услугу. Он попал в затруднительное положение – что-то семейное, – и она посоветовала обратиться ко мне. Рекомендовала меня как специалиста по парапсихологии и как дочь Ельцова, разумеется. Последнее склонило чашу весов в мою пользу.

– Не припоминаю, чтобы Алина Бутылкина была в восторге от твоих детективных способностей.

– У нее просто агрессивная реакция на стресс. Убийство в новогоднюю ночь кого угодно выведет из равновесия. В любом случае я не напрасно взяла на память их маски. Это было предвидение! Сегодня вечером господин Глебов назначил мне свидание.

– Можно узнать, где?

– Ревнуешь? – захихикала Астра. – Правильно. Судя по голосу, наш будущий клиент – весьма привлекательный мужчина.

Матвей сердито сопел в трубку:

– Надеюсь, этот мм-м... Глебов не связан с криминалом? Позвони Борису.

– Уже позвонила.

Борисов давно работал у ее отца начальником службы безопасности, и она время от времени обращалась к нему за информацией.

– И что?

– Борисов навел справки по своим каналам: Глебов по профессии врач, а по призванию – коммерсант. Успешно занимается бизнесом. Поставки диагностической аппаратуры, медицинская техника, лекарства. У него связи в Минздраве, где раньше работал его отец. Женат, детей нет. Характеризуется положительно.

– Наверное, Глебов хочет нанять сыщика... чтобы следить за женой, – не удержался от иронии Матвей. – Поскольку та не подарила супругу наследника, супруг ищет причину для развода.

– По разводам специализируется куча агентств. При чем тут я?

– Бутылкины просто подложили тебе свинью...

* * *

Феоктистов мерил шагами кабинет, обставленный в английском стиле. Ничего лишнего, строгие формы – красное дерево, зеленое сукно, кожаные кресла. Англичане молодцы: не терпят показухи. Тому, кто хорошо знает свое дело, нет нужды пускать пыль в глаза.

⁷ К. Сомов. «Арлекин и дама», 1921 г. Русский музей, Санкт-Петербург.

Игорь Владимирович забыл, каким было его самое первое любовное свидание – вероятно, оно не оставило заметного следа в душе. Но первая встреча с Магдой Глебовой произвела в нем внутренний переворот. Это случилось в Братцевском парке, в одной из уединенных аллей. Стояла ранняя осень, тихий день, какие бывают в середине сентября. Листья только-только начала опадать. В зеленых кронах деревьев пробивалось золото, терпко пахло соснами и поздними цветами. На дорожке валялись желуди.

И вдруг – словно жар-птица, чудом залетевшая в чужие края, – молодая прелестная женщина в невообразимо ярком одеянии: желтое, красное, лиловое, бахрома, бусы, перья – что-то фантастическое, в духе театральных костюмов Бакста.⁸ Феокистов оторопел, как если бы увидел посреди московского сквера тропическую птицу в радужном оперении. «Птица» повернула к нему лицо, на котором застыла растерянность. Это лицо поразило банкира. И он кинулся на выручку, хотя его никто ни о чем не просил.

– Что с вами? Вам... нехорошо?

– Каблук сломался. Насупила на ветку, поскользнулась и...

Она протянула Игорю Владимировичу высокий тонкий каблук-шпильку, обтянутый сиреновой замшей, и он невольно бросил взгляд на ее ноги – она была обута в сапожки с закругленными носами, расшитые золотыми узорами.

Феокистов часто прогуливался по парку в Братцеве. Он любил эту незаслуженно обойденную вниманием москвичей усадьбу, с которой были связаны громкие фамилии русской знати: Хитрово, Зубовы, Нарышкины, Апраксины, Голицыны, Строгановы, Гагарины, Щербатовы. Теперь некогда великолепные дом и парк медленно приходили в запустение, что напоминало о тщете мирской суеты и навевало легкую меланхолию.

Феокистов, этот стареющий селадон,⁹ был сражен странной незнакомкой наповал. Она вызвала в нем трепетное восхищение и возвышенный восторг. Кто она? Призрак из его прошлого? Одета для съемок артистка? Может быть, здесь опять расположилась какая-нибудь киногруппа? Игорь Владимирович слышал, что в Братцеве снимали «Барышню-крестьянку», «О бедном гусаре замолвите слово» и даже, кажется, заключительные серии «Петербургских тайн».

Он остро, горько пожалел о своей тучности и неповоротливости. Подхватить бы дамочку на руки, донести до машины или хотя бы до скамейки... Нет, лучше до машины. Увы! С его комплекцией и заплывшими жиром мышцами нечего было и пробовать – кроме позора, ничего не получится. Феокистов повернулся к вышколенному, сопровождающему его на некотором отдалении охраннику, и тот резво подбежал, замер в ожидании распоряжений.

– Вы позволите, сударыня? – банкир церемонно поклонился незнакомке. – Он донесет вас до моей машины. Или куда прикажете. Без каблука идти неудобно.

Она с готовностью кивнула.

– Я приехала сюда на такси. Ужасно неловко утруждать вас, но...

– Вы меня осчастливите! – расплылся он в глупейшей улыбке. – Так вы не артистка?

– Нет. С чего вы взяли?

Она застенчиво улыбнулась. Феокистов обомлел от этой улыбки – чуть-чуть приподнялись уголки губ, ресницы опустились, тень от них легла на полщеки... и все лицо преобразилось, зарделось румянцем. Рокотов, Боровиковский, но во всем остальном, – Бакст, Врубель...

– Мы довезем вас до дома.

⁸ Леон Бакст – настоящая фамилия Розенберг (1866–1924). Российский художник, иллюстратор, мастер станковой живописи и театральной графики, автор ярких костюмов и декораций для дягилевских «Русских сезонов».

⁹ Селадон – дамский угодник, волокита.

– Буду признательна!

В машине она назвала водителю адрес и замолчала, а Игорь Владимирович мучительно волновался, подыскивал предлог продолжить знакомство.

– Вы часто прогуливаетесь по Братцевскому парку? – не придумав ничего другого, выдавил он.

– Довольно часто.

Ее короткий ответ говорил о нежелании вести беседу.

– Я тоже люблю эти места. От центра далеко, но и не за городом. Раньше Братцево было подмосковным имением, переходило из рук в руки. Вы знаете его историю?

– В общих чертах.

Она не проявляла интереса к его словам, а ему, как назло, не приходила в голову никакая другая тема.

– С усадьбой связан скандальный развод графа Строганова. Сему богачу и меценату не везло с женами. Умнейший человек был! Много путешествовал в молодости по Европе, изучал философию, архитектуру, языки, музыку. А какую картинную галерею устроил в своем дворце в Петербурге, какую коллекцию древностей собрал! Возглавлял Академию художеств и дирекцию Императорских библиотек. Видимо, женщины другие качества ценят в нас, мужчинах?

Его вопрос повис в воздухе. Пауза затягивалась, и Феоктистов вынужден был продолжить исторический экскурс. Когда-то он читал лекции студентам и с годами не утратил навыков:

– Семейная жизнь графа складывалась трагически. Когда он был молод, императрица Елизавета Петровна сосватала ему дочь канцлера Воронцова, однако брак не заладился. Строганов решился на развод, который тянулся томительно долго и оборвался внезапной смертью графини. Вскоре вдовец влюбился в княжну Екатерину Трубецкую, красавицу, милую и во всем приятную даму. Новая государыня Екатерина II способствовала этой свадьбе. После венчания молодые уехали за границу, где весело прожили около десяти лет. Возвращение в Россию готовило графу вторую семейную драму. Фаворит императрицы, Иван Николаевич Римский-Корсаков, был дивно хорош собой, любезен, слыл отменным собеседником, прилично пел и даже играл на скрипке. Назначенный флигель-адъютантом к Екатерине II, молодой офицер вскоре был пожалован в действительные камергеры, в генерал-майоры, получил в подарок дом на Дворцовой набережной и большое имение в Могилевской губернии. За полтора года он стал богат. И тут... новоиспеченный генерал-майор встречается с графиней Строгановой, которая десятью годами старше его, теряет голову, начинает за ней ухаживать и добивается ее расположения и взаимности. Императрица высылает бывшего любимца из Петербурга в Москву, графиня оставляет мужа и следует за ним. Строганову ничего не остается, как смириться и дать жене отступного – дом в Москве и большое подмосковное имение Братцево. Где отставной фаворит и его «любимая Катенька» поселились вдали от света и дворцовых интриг. Разлучила их смерть Екатерины Петровны. Безутешный Римский-Корсаков перебрался в свое могилевское имение, приезжал в Москву редко, но всегда посещал усадьбу Братцево, где жили воспоминания о былом счастье...

Феоктистов сделал выразительную паузу.

Никакой реакции со стороны незнакомки не последовало. Шофер, не поворачиваясь, вел машину. Охранник, молчаливый и сосредоточенный, застыл на переднем сиденье. Казалось, они были глухи и немы.

– Я утомил вас?

– Зачем вы мне все это рассказываете?

Незнакомка подняла на него глаза – два мерцающих в сумраке салона не то аметиста, не то аквамарина.

– Надо ведь о чем-то говорить. Вам неинтересно?

– Нисколько. Что вам за дело до этой усадьбы?

– Видите ли, я заработал достаточно денег, и теперь могу потратить их на что-то стоящее. Например, на реставрацию Братцева. Дом, парк и беседка обветшали и требуют ремонта, то есть финансовых вложений. В России меценатство всегда было в чести. Вот и граф Строганов, который когда-то приобрел это имение для своей неверной жены, был меценатом. Строгановы разбогатели на солеваренных промыслах, горных и металлургических заводах. Существовала даже поговорка: «Богаче Строгановых не будешь!» Однако все приходит в упадок, все покрывается пылью забвения. А хочется оставить след в мимолетном времени. Вот придете вы сюда лет этак через десять, а здесь чистота и порядок, как при прежних заботливых хозяевах. И табличка при въезде в усадьбу: «Восстановлено на средства господина И. В. Феоктистова».

– Не вдохновляет.

– Жаль. Ну... тогда давайте знакомиться. Я уже представился...

– Магда, – сухо произнесла она.

– Редкое имя...

– Просто имя. – Она уставилась на дорогу. – Вот сюда сверните...

– Я знаю, – отозвался водитель. – Доставлю прямо к подъезду.

«Сейчас она уйдет, и я останусь ни с чем, – промелькнуло в уме Феоктистова. – Как ее задержать? Как привлечь ее внимание?»

– Вы любите гулять по парку, где бродят тени прошлого, – вырвалось у него. – Признаться, я и вас принял за тень.

– А если вы не ошиблись?

Феоктистову до сих пор не давала покоя та вскользь оброненная ею фраза.

В тот день, едва Магда скрылась за дверью парадного, он набрал номер Таврина и поручил разузнать все о женщине, проживающей по такому-то адресу.

Так начался этот односторонний роман. Игорь Владимирович делал попытку за попыткой встретиться с госпожой Глебовой. Однажды ему почти удалось выманить ее на свидание. Оно окончилось, не начавшись, и окончилось до того странно, что у Феоктистова возникли сомнения – с кем он имеет дело? С живой женщиной или... с призраком?

Он поручил Таврину следить за ее мужем – как господин Глебов проводит время, где чаще всего бывает, с кем, не изменяет ли супруге. Оказалось, что изменяет, причем она, похоже, не подозревает о его коварстве. Пока Глебов в отъезде, Игорь Владимирович надеялся осуществить свою мечту и встретиться, наконец, с его красавицей женой. Чужая «жар-птица» и сияет ярче, и поет слаще.

Никогда еще Феоктистов так не волновался, не готовился столь тщательно к долгожданному свиданию, не выбирал так придирчиво подарок для дамы. Посетив несколько лучших ювелирных салонов, он остановился на колье из крупных сиреневых и зеленых камней, жемчуга и бриллиантовой россыпи. Украшение лежало в сейфе в его кабинете... дразня предвкушением близкого счастья увидеть ту, ради которой оно было куплено.

И тут, совершенно некстати ночным рейсом из Венеции вернулся ее муж.

Глава 8

Алексей Глебов выглядел усталым и подавленным, но в остальном – безупречно. Он был выше среднего роста, плотного спортивного телосложения, с крупными выразительными чертами лица. Тяжеловатый подбородок и жесткая линия губ говорили об его упрямстве, а смуглый оттенок кожи, темные волосы и глаза, обрамленные густыми ресницами, выдавали примесь восточной крови.

Он ждал Астру в кафе «Миранда» и успел сделать заказ: ей – груши в медовом сиропе и ванильный коктейль; себе – двойной кофе с коньяком.

– Ваша жена – сладкоежка? – улыбнулась она.

– Не совсем... то есть у нее все зависит от настроения. Может быть, вы хотите что-то другое? Вишневый десерт, например.

– Спасибо. Этого достаточно. – Астра откусила кусочек груши. – О-о! Вкусно. Вы изложите свою проблему.

Он принужденно улыбнулся и обвел взглядом зал. Интерьер кафе, выдержанный в коричневых тонах, располагал к спокойствию и неторопливости: шоколадного цвета панели на стенах, бежевые шторы и скатерти, такие же чехлы на стульях. Посетителей было мало – две пожилые матроны и семья с сыном-подростком. Паренек явно тяготился присутствием родителей, скущаяще озирался и дрыгал длинной тощей ногой. Мать его одергивала.

– Здесь мило... мгм-м... – кашлянул Глебов.

Официантка принесла семье заказ – маленький торт, лимонад и мороженое.

– Как в детском саду! – громко фыркнул подросток.

– А мне чаю, пожалуй, – так же громко и недовольно произнес его отец. – Я не пью воду с газом.

Мамаша приглушенно принялась их воспитывать.

– Зачем они сюда пришли? – хихикнула Астра. – Ритуал, вероятно. Семейная традиция: по выходным водить свое чадо в кондитерскую. А чадо с куда бóльшим удовольствием выпило бы пивка со сверстниками!

Ее реплика разрядила обстановку. Глебов с облегчением вздохнул и тоже начал подтрунивать над «традициями» и подростком, который со злостью жевал торт, беря его рукой и намеренно игнорируя ложечку, подсовываемую матерью.

Астра осторожно напомнила ему о сути дела:

– Вы давно знакомы с Бутылкиными?

– Года два. У них заболел ребенок, и я... в общем, это неинтересно. Алина сказала, что вы можете... читать мысли других людей, предвидеть, как они поступят.

– Боюсь, она ввела вас в заблуждение.

– Не скромничайте. Бутылкины поражены вашими способностями. Они были свидетелями того, как вы отыскивали убийцу почти безо всяких улик и сумели разоблачить его.

– Мне просто повезло.

– Я не верю в везение, – дернул подбородком Глебов, и его восточные глаза уставились на собеседницу. – *Везет* профессионалам. Понимаете? Удача – не что иное, как настоящее умение. Со стороны, на взгляд дилетанта, это похоже на чудо.

Астра засмеялась.

– По образованию я – актриса.

– Ну и что? Есть еще призвание. Дар свыше, если хотите.

– Ладно, уговорили. Как я могу применить свой дар в вашем случае?

Глебов не мог переступить черту, преодолеть барьер, не позволяющий ему открыть перед незнакомой женщиной подоплеку его взаимоотношений с женой. Он никогда ни с кем не обсуждал этого и никак не решался начать.

– Я вам заплачу, – уверял он Астру. – Наличными. Вот аванс...

Он достал из кармана конверт с деньгами и положил около ее тарелки.

– Не в моих правилах брать деньги *за то, не знаю, что*.

– Я осведомлен, кто ваш отец и что вы не стеснены в средствах. Но если вы согласитесь, ваши усилия должны быть оплачены.

Астра теряла терпение:

– Что от меня требуется?

– Вы... можете проникнуть в мысли моей жены? – выдавил Глебов. – То есть... возможно, я неправильно выражаюсь... словом, я подозреваю... мне кажется, она хочет меня убить!

Его смуглое лицо потемнело – по-видимому, он так краснел. Ему было ужасно неловко. Ведь эта женщина примет его за труса, который боится собственной супруги. Она уже хохочет над его малодушием.

– Я не умею читать мысли других людей, – призналась Астра. – Вы будете разочарованы.

– Значит, сделайте то, что умеете.

– Мои методы обычны.

– Все равно, каким способом вы поможете мне разобраться в том, что происходит. Я дошел до опасного предела. Я на грани срыва!

У Глебова пересохло в горле, и он отхлебнул остывшего кофе.

– Почему вы решили, что жена покушается на вашу жизнь? – спросила Астра. – Она вам угрожает?

– Нет...

– Что же тогда?

– Она... изменилась. Стала очень странной. Ее зовут Магда. Мы пятый год женаты, а я все пытаюсь понять ее. Не получается! Я перепробовал и хорошее, и плохое – разное. Магда остается для меня шкатулкой с секретом. Недавно я проснулся от того... – Он запнулся, подбирая слова. – Во сне мне стало не по себе. Я открыл глаза и увидел ее – она стояла над моей постелью с ножом.

– Кухонным?

– Это был итальянский стилет... неважно. Мы купили его в Венеции, как сувенир. Собственно, там мы и познакомились – в городе на воде. Нас сразу потянуло друг к другу. Не знаю, что это было – страсть, наваждение, колдовство. Вернувшись в Москву, мы поженились. Ни одного дня с Магдой я не чувствовал себя спокойно. Это как сидеть на бочке с порохом!

– Вы любите ее?

Глебов поежился, словно озяб, и отвел глаза.

– Да, если это можно так назвать. Я до смерти боюсь потерять ее. А она уходит...

– Жена собирается бросить вас?

– Нет, не в том смысле. Она просто... – Он глубоко вздохнул. – Между нами растет стена отчуждения. Я не в силах сломать ее, а Магда даже не думает ни о чем подобном.

– Вы спросили ее, зачем она подошла к вам с ножом в руке?

– Конечно. Магда придумала какую-то отговорку... забыл, что именно. Ах, да! Сказала, что услышала шум за дверью, испугалась и...

– Какой шум?

– Будто бы кто-то хочет открыть замок и проникнуть в квартиру. Поэтому-де она и взяла нож, вышла из спальни, а по дороге решила разбудить меня. Видели бы вы ее! Это звучало так фальшиво... Магда не умеет притворяться. Но иногда в нее будто дьявол вселяется...

– Вы спите в разных комнатах?

Он мрачно кивнул.

– Вы ей не верите?

– Я уже себе не верю! В ту ночь я подошел к входной двери, посмотрел в глазок: на лестничной площадке никого не было. В нашем доме есть консьерж. Утром, уходя на работу, я спросил его насчет посторонних. Он никого не видел.

– Вряд ли консьерж бодрствовал во время ночного дежурства.

– Я понимаю...

– Да и грабителей это не остановит. У них заготовлены уловки на все случаи.

За окнами стемнело. Официантка включила дополнительное освещение и, виляя бедрами, обтянутыми короткой юбкой, прошествовала мимо их столика. Пожилые дамы заказали себе новую порцию пирожных и чайник зеленого чаю – им уже не было нужды беречь фигуру, и они наслаждались жизнью.

Подросток не сводил глаз с высоко открытых ножек официантки, как, впрочем, и его папаша. Мать семейства побагровела и, не решаясь сделать замечание мужу, что-то раздраженно выговаривала сыну.

– Может быть, вам разъехаться на время? – предложила Астра. – Пожить врозь, отдохнуть друг от друга.

– Что? Не-е-ет! Я очень привязан к Магде. Мне и в голову не приходило уйти от нее или развестись. Нет, это неприемлемый вариант.

Астра попробовала коктейль – в него переложили сахара и ванили.

– Горчит, – сказала она.

– Думаете, я не в своем уме? – по-своему истолковал ее реплику Глебов. – Иногда я и сам склоняюсь к такому выводу. Посоветуете обратиться к психиатру? – начал заводиться он.

– Я ничего такого не говорила.

– Вы не принимаете мои слова всерьез. Но на самом деле наш с Магдой брак катится в бездну. С нами происходит что-то страшное. Она тоже боится!

– Чего? Алексей Дмитриевич...

– Просто Алексей.

– Хорошо. Алексей, вы не придаете слишком большое значение мелочам?

– Вовсе нет! – взвился он. – Я никогда не был мнительным. Уж если обращаюсь за помощью к чужому человеку, значит, я отчаялся сам справиться с проблемой.

– Простите, до меня не дошло, в чем заключается проблема.

– Я сам толком не знаю. Чувствую, как вокруг сгущаются тучи. И все! По этой причине ищу нетрадиционный способ разрешить ситуацию. Магда – она для меня больше чем женщина, любовница или жена. Она проросла через мою душу и плоть, как бамбук, – насквозь. Знаете, есть такая ужасная пытка, придуманная азиатами? Так вот, мои мучения длятся и длятся, я уже свыкся с ними, и они дают мне наслаждение. Скажете, я мазохист? В некотором роде да. Мы с Магдой нераздельны! Несмотря ни на что. Полагаете, я не пытался избавиться от этого рабства? Еще как пытался! Хотел выбросить ее из сердца, забыть о ее существовании, даже изменял ей. Ничего не помогает. Я даже решил съездить в Венецию, где встретил и полюбил Магду, – побродить по тем местам, пережить все вновь и развеять эту одержимость одной и только одной женщиной. Убедиться, что то время ушло безвозвратно и унесло с собой прежнее очарование. Не тут-то было! Конечно, я отправился туда, где мы с Магдой впервые увиделись...

– И что? – усмехнулась Астра.

– А ничего! Карнавал закончился, и вообще, поездка не удалась. Без Магды «жемчужина Адриатики» потускнела, как ни глупо это звучит. Волшебный город масок превратился в обыкновенный пошлый «Диснейленд» для праздной толпы туристов. Его красота поблекла – проникнутая духом мрачной старины, она произвела отталкивающее впечатление. От каналов несло гнилью, на воде покачивался мусор. Фасады дворцов внизу покрывала плесень. А все это веселье, желтые огни и музыка показалось мне пиром во время чумы! – Он почему-то понизил голос. – Двух дней хватило, чтобы прийти в неистовство и вернуться.

– Жена знает, что вы ездили в Венецию?

Глебов отрицательно покачал головой.

– Я ей не сказал. Соврал про деловую командировку. Но у меня такое ощущение... как будто она обо всем догадывается.

Астра отодвинула стакан с коктейлем.

– Невозможно пить эту гадость. Закажите мне смородиновый сок.

Он подозвал девушку, дефилировавшую по залу, словно по подиуму, и попросил ее принести сок и один кофе.

– На какие средства живет ваша жена? – спросила Астра. – Вы совместно владеете бизнесом?

– Фирма «Медиус» оформлена на меня и отца. А у Магды есть собственный счет в банке, она вполне обеспечена.

– Вы ее содержите?

– Да, как и положено мужу. Я придерживаюсь принципа, что добытчик в семье – мужчина. Хотя Магда и без меня ни в чем не нуждается. Она не работает, но родители оставили ей приличный капитал. Они оба погибли в авиакатастрофе: летели на маленьком частном самолете, попали в туман и разбились.

– У них был собственный самолет?

– Нет. Какой-то их друг за границей владел авиакомпанией. Они занимались недвижимостью здесь и за рубежом. Преуспевали. И вдруг такая нелепая смерть. Магда, кажется, до сих пор не оправилась от этого удара.

– Как давно они погибли?

– Лет семь назад. Магде едва исполнилось двадцать два.

– Она единственная наследница?

– Насколько мне известно, да. – Глебов криво усмехнулся. – Так что убивать меня из-за денег ей нет смысла.

– У вас есть дети?

Он помедлил с ответом:

– Мы решили не торопиться. Магда не из той породы женщин, которые мечтают обзавестись детьми. Я тоже не настаиваю. Впрочем, если бы и настаивал – ей все равно. Она поступает, как сама захочет.

– Значит, в случае вашей смерти, все имущество и деньги перейдут к вашей жене?

– Половина бизнеса и все, что принадлежит лично мне. Но я уже говорил: ее не интересуют деньги. У нее достаточно средств для безбедного существования.

– А ревность вы исключаете?

Чем больше Астра узнавала Глебова, тем привлекательнее он ей казался. Чувственный, волевой, умный мужчина. Совершенно не похож ни на подкаблучника, ни на сластолюбивого бабника, ни на вздорного, подозрительного и придирчивого ревнивца, ни на психически неуравновешенного субъекта. Вполне нормальный человек, с нормальными взглядами на жизнь. Однако вопрос о ревности вызвал на его лице замешательство.

– Когда-то давно Магда в шутку предупредила меня, что если изменю ей, она меня убьет.

– Она способна на убийство?

– Порой на нее находит помрачение... Наверное, каждый способен убить в определенных обстоятельствах.

Официантка принесла на мельхиоровом подносе сок и кофе. Глебов замолчал, ожидая, пока она отойдет.

– Вы давали жене повод для ревности?

Его восточные глаза опустились, а красивые губы произнесли:

– Разумеется, нет. Я имел близость с другими женщинами, но чисто физическую. И Магда ничего не знает. Она сама толкнула меня на такой шаг! Я пытался... проверить, испытую ли я с другой партнершей что-либо подобное тому... тому... – Он смешался, взялся за чашку, чуть не пролил, со стуком поставил ее обратно на блюдце. – Это нельзя назвать изменой. Прикасаясь к другим, я думаю только о Магде, потом раскаиваюсь, проклинаю свою зависимость от нее и свою слабость... Словом, вам не понять.

– Вы спали с другими назло жене?

– И да... и нет... *С другими!* Громко сказано. Было пару эпизодов – пустых, ничего не значащих. Я хотел отомстить Магде, не отдавая себе отчета, за что и почему. А вместо этого сам себе всю обедню испортил. Верите, глаз на нее не мог поднять неделю после того, как... В общем, когда мы начали спать раздельно, я испытал облегчение.

Он все-таки поднес чашку ко рту и сделал глоток, обжегся. Его лицо исказила гримаса боли – не телесной, а душевной.

– А жена вам... изменяла?

– Н-не знаю... вряд ли... – Глебов словно очнулся от каких-то тяжелых мыслей. – Она нравится мужчинам. Иногда флирт забавляет ее – ничего более.

– Вы уверены?

– Как можно быть в чем-то уверенным? Я никогда не опускался до слезки. Это низость! Магда бы не простила. Я ее не контролирую, если вы это имеете в виду. И она меня тоже... надеюсь.

Астра находилась в растерянности. С одной стороны, Глебов чего-то недоговаривал; с другой – она успела заинтересоваться его историей. Не хватало ниточки, за которую можно было бы ухватиться и размотать этот клубок противоречий: любовь, страх, тайна.

– Как фамилия родителей Магды?

– Левашовы. Руфина и Филипп. В свое время о них много говорили в связи с трагической гибелью. Потом все утихло.

– Это действительно был несчастный случай?

– Велось следствие... Да, Левашовы и их заграничный приятель стали жертвами тумана и скалистой местности. Самолетом управлял сам хозяин, видимо, переоценил себя как пилота.

– Опытные пилоты тоже разбиваются.

– Вы правы.

Пожилые дамы, объевшись пирожными, шумно поднялись из-за стола.

– Эй, милая! – крикнула одна из них официантке. – Неси-ка счет!

Они рассчитывались стоя, посмеиваясь друг над другом.

– Сдачи не надо...

– Вы говорите, Магда странная. В чем это выражается? – спросила Астра.

– В тысяче мелочей. В манере одеваться, в ничегонеделании, которое вдруг сменяется бурным «музыкальным» или «выставочным» периодом – тогда Магда таскает меня по всем подряд концертам и вернисажам. Ею овладевает какая-то лихорадочная жажда впечатлений. Насытившись, она погружается в одиночество: может неделями сидеть дома, не жалуясь на скуку – притом, что не смотрит телевизор и не читает. Она испытывает страх перед темной и тем не менее обожает ночь. Боится, что на нее кто-нибудь нападет, и гуляет в уединенных уголках парка. Добиться от нее каких-либо объяснений нереально. Из нее слова не вытянешь! Молчит и смотрит сквозь меня, будто я не человек из плоти и крови, а некая прозрачная субстанция. Но после одного случая я вообще перестал ее узнавать!

– Что за случай?

Глебов наклонился чуть вперед и понизил голос:

– Не сочтите меня ненормальным, но те сутки я вспоминаю с содроганием. Дело было осенью, в начале ноября. Погода стояла хмурая, холодная. Я приболел – насморк, кашель, поднялась температура – и лежал дома. Под вечер Магда куда-то засобиралась: сказала, хочет подышать свежим воздухом, и ушла. У меня был жар, я уснул, а когда проснулся, она еще не вернулась. На часах – половина второго ночи. Что я должен был думать? Начал звонить ей на сотовый. В ответ – «связь с абонентом отсутствует». У меня и так озноб, а тут вдобавок нервы разыгрались. Час прошел в ужасном беспокойстве, второй, третий. Я проваливался в беспамятство, приходил в себя, звонил ей, снова забывался в горячке. Наступило утро, а Магда так и не пришла домой. Как мне следовало поступить, по-вашему?

Астра пожала плечами:

– Искать, вероятно.

– Где? У кого? Звонить в полицию? Поднимать на ноги офисных охранников? Но я понятия не имел, куда она направилась. Родителей у нее нет, подруг тоже.

– Совсем нет подруг? Ни одной?

– Близких, у которых она могла бы остаться переночевать, – нет. Ее бывшие друзья, семейная пара Казариновых, рассорились с ней. Жена приревновала супруга к Магде, ну и... вы понимаете. Какая уж тут дружба? В общем, оставалось звонить в больницы, морги и полицию. Но я не мог... Мысль о том, что с Магдой случилась беда, не умещалась в моей

голове. Сказалась высокая температура, болезненное состояние. «Она бросила меня. Сбежала! – убеждал я себя. – Или проводит ночь с любовником». Даже это было для меня менее страшно, чем ее смерть или увечье. Наверное, я метался в бреду. Не помню, как минул день, наступил вечер. А когда стемнело, она вернулась. Как ни в чем не бывало!

– Вы спросили, что стряслось? Где она ночевала?

– Конечно. Сразу же. Но Магда уставилась на меня так, словно это я где-то отсутствовал целые сутки. Она потрогала мой лоб и понимающе кивнула: «У тебя сильный жар! Ты принимал аспирин?» Она начала делать самые обычные вещи – искать градусник, совать мне его под мышку, растворять таблетку в воде, готовить чай. Она меня не слушала! Не обращала внимания на мое волнение, приписывая это проявлению болезни. А на все мои вопросы твердила одно: «У тебя лихорадка. Ты бредишь!»

– Вы так и не узнали, где она была?

– Она утверждала, что поехала немного прогуляться, замерзла и вернулась домой. «Меня не было несколько часов, а ты поднял такую панику!» – вот что она говорила. Она довела меня до бешенства своей скрытностью, своим идиотским упрямством. Я с трудом сдержался, чтобы не устроить скандал.

Астра внимательно наблюдала за Глебовым. Он, казалось, был вполне искренним.

– Возможно, вы действительно ошиблись, потеряли счет времени. Такое бывает при высокой температуре.

– И вы туда же! – вспыхнул он. – Я похож на умалишенного? Да?

Глава 9

Наблюдение за Алексеем Глебовым и его женой не отменяло прочих обязанностей Таврина: он разрывался между основной работой и личными поручениями босса. К тому же у Григория еще имелась жена и, как у всякого уважающего себя мужчины, – любовница. Обоим он старался уделять внимание и выкраивать время, и обе выражали недовольство.

– Где ты пропадаешь днями и ночами? – возмущалась законная супруга Надя. – Тебе хотя бы доплачивают?

Таврин старался не раздражаться.

– Нужны деньги? Сколько?

Она пересчитывала купюры и на некоторое время замолкала – набиралась терпения, до следующего раза.

– У нас кран течет, Гриша!

– Вызови сантехника, – вздыхал он.

– Мы в отпуск второй год не ездили...

– Купи себе путевку и поезжай.

– Не боишься, что я заведу курортный роман? – не выдерживала жена. – Ты отмахиваешься от меня, как от назойливой мухи. А я, между прочим, человек.

– Вот именно... *между прочим*.

Надя начинала плакать. Григорий ненавидел женские слезы.

– Чего ты реवेशь? Я не пью, не гоняю тебя, как другие мужья! Обеспечиваю. Мебель вон новую купили. Машину взяли в кредит.

– Я... ребеночка хочу, – всхлипывала она. – Мне уже скоро тридцать.

Таврин не мог иметь детей, но жена об этом не знала. Скажи он ей, в чем проблема, – начнется нытье, уговоры обратиться в клинику... дело, пожалуй, дойдет до развода. А он разводиться не собирался.

– Я предупреждал, что занят двадцать четыре часа в сутки. Если появится ребенок, все заботы о нем лягут на твои плечи. Мало тебе детей в школе? Возись с ними, сколько влезет! А дома – отдыхай.

Она работала в частной гимназии – преподавала математику юным вундеркиндам – и завидовала женщинам, у которых такие замечательные, талантливые дети. Ей хотелось своего собственного мальчишка или девочку, а Гриша почему-то был против.

Он преподнес жене утешительный презент – путевку в Египет. Пусть полюбуется на пирамиды, саркофаги, мумии и все такое. Ей понравится.

– В следующий раз поедешь в Тунис, – пообещал Таврин. – Потом в Чехию, в Венгрию...

У нее загорелись глаза, и она даже не спросила: «А ты?»

Женщина, с которой Григорий Иванович предавался «запретным утехам», была полной противоположностью Наде: амбициозной, честолюбивой, со сложным характером. Она добавляла в его кровь адреналина – и он с трудом держал ее в узде.

– Почему ты не бросаешь жену? Ты все еще любишь ее? А как же я? Ты должен принадлежать только мне.

Она ревниво прислушивалась к каждому слову, сказанному им Наде по телефону, ловила каждый жест и придиралась к каждой мелочи.

– Я люблю одну тебя, – уверял ее Таврин. – Ты же видишь, я весь твой.

Неумеренный сексуальный аппетит пассивности начал утомлять его. Женский темперамент – опасная штука: в отличие от мужского, он с годами не теряет, а набирает силу.

«А не порвать ли мне с ней? – подумывал Григорий. – Мои расчеты не оправдались. Наде и не снилось выделывать в постели то, что позволяет себе эта бесстыдная и раскованная женщина, но я уже сыт по горло бурными приступами экстаза. Кто сказал, что любовный корабль ищет вечного шторма? Легкая волна бывает куда милее».

Он стал встречаться с любовницей реже, объясняя это загруженностью в работе. Ему даже не приходилось лгать – просто чуть-чуть преувеличивать истинное положение вещей. Феоктистов его замотал. В глазах банкира прыгали искры безумия, когда он говорил о госпоже Глебовой.

– Ты обещал устроить нам встречу... – багровея от злости, сипел толстяк. – Сколько еще ждать? У меня мало времени на стратегию, я предпочитаю тактику. Шевели мозгами, дорогой Гриша! Даром я тебе плачу такие бабки?

В уголках губ Феоктистова собиралась слюна, обрюзгшие щеки мелко дрожали. «И он надеется покорить сердце молодой изысканной женщины! Уж ее точно не соблазнишь размерами кошелька! – брезгливо думал начальник службы безопасности. – Нашел себе «шестерку» в моем лице! А я позволяю ему помыкать мной. Ладно, пока придется терпеть».

Его устраивала эта работа, да и скупым Феоктистова не назовешь, особенно когда дело касается любовной интрижки. Таврин старался. Уже все было на мази! Глебов отправился в Венецию, без жены... И тут его угораздило вернуться! Какая чертова муха укусила этого смуглого плейбоя?

План Таврина рассыпался, как карточный домик. Феоктистов бесился.

«Далась она ему! – досадовал начальник службы безопасности. – И я тоже хорош! Превратился в сваху для заплывшего жиром кота. А барышня благополучно выскальзывает из расставленных силков – как будто имеет тайного осведомителя в наших рядах».

Свахой в общепринятом смысле слова Таврин не был: он не расхваливал перед Магдой достоинства своего босса, не завлекал ее головокружительными перспективами и ожидаю-

щей ее выгодой от сближения с Игорем Владимировичем – вряд ли госпожа Глебова стала бы его слушать. Он решил просто подгадать удобный момент, когда муж прекрасной дамы уедет подальше... чтобы подготовить «случайную встречу» Магды и Феоктистова. Там уж пусть этот напыщенный индюк сам проявляет инициативу.

Однажды такая встреча чуть было не состоялась. Таврин до сих пор не мог взять в толк, почему все сорвалось. Банкир кипел от негодования и нес полную ахинею. Что Григорий мог возразить на это?

– Учти, будь добр, свою ошибку! – строго грозил ему пальцем босс. – И впредь постарайся избегать подобного.

Таврин кивал, скрывая недоумение. Какую ошибку он допустил? И чего следует избегать?

Феоктистов выдвинул почти те же условия. Встреча должна состояться в уединенном месте, вдалеке от чужих глаз, желательно на природе – и выглядеть для госпожи Глебовой естественной. Чтобы у той не закралось и тени сомнения!

– При этом неплохо бы удалить мужа... – добавил он. – Куда-нибудь в подозрительную командировку. Оскорбленная его пренебрежением, женщина захочет отыграться, отомстить, а тут и подходящий человек подвернется. То есть – я!

Недовольный словом «подвернется», толстяк насупился.

– Я могу сам пригласить ее на прогулку, но не хочу действовать прямолинейно, – оправдался он.

Таврин внутренне захохотал. «Как же! «Могу пригласить»... Да ты боишься, что она откажется наотрез, и тем самым обрубит все подходы».

* * *

Франция, XVI век. Париж, Лувр

Маргарита налетела на фрейлину и чуть не сбила ее с ног.

– Ваше высочество...

– Оставь меня!

– У вас... паутина в волосах...

– Поди прочь! – огрызнулась принцесса и захлопнула двери перед самым ее носом. Эта нахальная девица наверняка шпионка королевы-матери.

Хотя де Гиз по приказу Карла IX и под угрозой смерти женился на герцогине Клевской, дабы избежать обвинения в посягательстве «на честь сестры короля», за Маргаритой продолжали следить – как бы она чего не выкинула!

Запершись у себя в спальне, Марго достала из складок юбки оброненный Руджииери предмет и принялась его разглядывать. Свечи коптели: казначей экономил на содержании маленького двора, зато Екатерина покупала замки, и братец Карл ни в чем себе не отказывал.

Принцесса наморщила красивый лобик. Что это за штукавина? Две соединенные стеклянные колбы, вставленные в позолоченный корпус, на подставке вырезан тонкий узор. Стекло довольно прочное, иначе бы оно разбилась при падении. На колбах в месте горловины – накладные золотистые птицы, похожие на голубей, соприкасаются клювами.

Она поднесла вещицу к свету – внутри колб пересыпался блестящий темный песок.

– Какой странный...

Песочные часы. Она вспомнила – такую же штуковину иногда носил на поясе де Гиз. Пока течет песок, проходит определенный промежуток времени. Гиз хвастался, что песок в его часах изготовлен из просеянного порошка черного мрамора, отваренного в вине и высушенного на солнце.

«Руджиери пользовался часами для своих дьявольских опытов! – догадалась Маргарита. – Ну конечно! Он тоже носил их на поясе, а когда проходил в темноте через гардеробную, зацепился и потерял. Ковер скрадывал звуки, астролог спешил, королева-мать ворчала... Возможно, он уже хватился часов...»

– Поздно! – торжествующе прошептала Марго. – Теперь они принадлежат мне!

Довольная, что удалось досадить колдуну, она спрятала часы в изголовье кровати и позвала камеристок.

– Раздеваться! Я устала, спать хочу...

Сон пришел незаметно, спустился с небес вместе с лунными лучами и смежил веки младшей дочери Екатерины Медичи и Генриха II. Даже самый тонкий слух не уловил бы под пуховыми подушками мягкого шуршания песка в часах Руджиери.

– Ш-ш-ш... ш-ш-ш... ш-ш-ш...

Это шумела толпа у собора Парижской Богоматери. Люди, рискуя жизнью, собрались поглазеть на красавицу невесту, которую выдавали замуж за Генриха де Бурбона, короля Наваррского.

Маргарита едва держится на ногах. Громоздкий свадебный наряд теснит грудь, тяжелый головной убор сдавил лоб, горькие слезы застилают глаза. Скоро начнется церемония бракосочетания, и ее отдадут этому грубому мужлану, который умеет только пить и воевать. Такова судьба женщин королевской крови.

Париж кишит гугенотами – они приехали на свадьбу своего предводителя. Сама «тигрица» Екатерина вынуждена считаться с ними, потому и отдала руку принцессы Генриху Наваррскому. Народ ликует, любясь пышной процессией. Наконец протестантов и католиков уравниют в правах.

Под сводами собора струится золотистая дымка. Маргарита старается не смотреть на жениха. Она не в себе...

– Ей дурно... – проносится по рядам придворных.

– Она бледна как смерть...

– Вот-вот лишится чувств...

Все ждут, пока новобрачная ответит «да», а она молчит. Генрих сверкает глазами. Король Карл нервно закусывает губу.

– Сделайте же что-нибудь, сир... – шепчет Екатерина.

Она готова принести дочь в жертву политическим интересам – в прямом смысле этого слова. Карл мягкосердечен, но воля матери довлеет над ним. Он незаметно ударяет сестру по затылку, та вскрикивает, и этот возглас воспринят, как согласие.

Маргарита видит, как откуда ни возьмись, брызжет кровь – на ее свадебное платье, на расшитую золотом одежду жениха. Торжествующие крики толпы за стенами собора сливаются с воплями и предсмертными стонами умирающих... Кровь! Кровь... она повсюду, красная, как розы в праздничных гирляндах, густая, как сладкое малиновое желе...

Кровавая свадьба!

Первая брачная ночь царственных молодоженов не удалась. В Лувре – резня. На улицах Парижа повсюду пылают факелы, раздаются выстрелы, звон оружия, жуткие крики застигнутых врасплох людей, которые ищут спасения, но находят только гибель.

Екатерина Медичи заманила дворян-гугенотов на свадьбу, чтобы расправиться с ними, безжалостно уничтожить всех до одного, в том числе и «замараху» Генриха. А если понадобится, и его молодую жену. Тогда появится весомый повод преследовать и жестоко

карать еретиков, ведь заварушка, которую они затеяли, унесла жизнь ее любимой дочери. «Религиозные распри истощают Францию, – убеждала Карла королева-мать. – Вы должны проявить твердость, сын мой!»

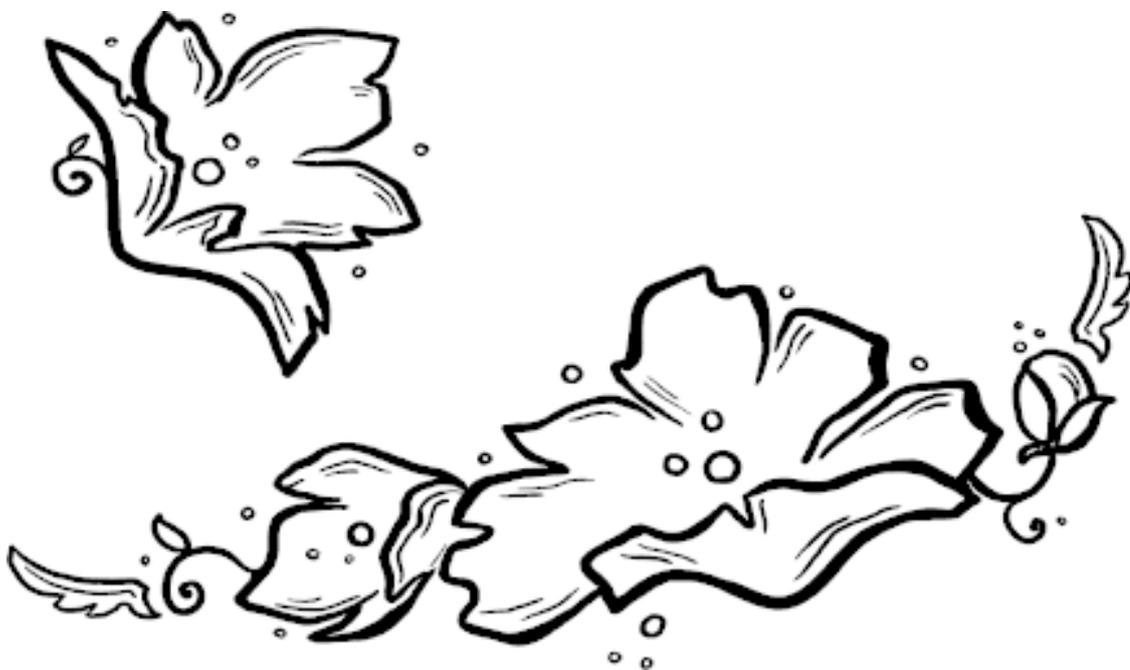
Страшный шум и топот ног по коридорам дворца насторожили Генриха. Маргарита в ужасе вскакивает... Убийцы врываются в спальню молодых с оружием в руках. Неслышанно. Чудовищно! Над головой новобрачной свистит смертоносная сталь. Она протягивает руку, защищая мужа, гневно, отчаянно кричит и... просыпается.

Вокруг полумрак. Ее комната, гобелены на стенах... свеча и дремлющая в углу камеристка. Тишина царит в Лувре, только где-то переговаривается королевская стража да гудит ветер в дымоходах.

Маргарита долго лежала, прерывисто дыша, не в силах успокоиться. Представшая во сне картина казалась такой правдоподобной, что волосы шевелились на голове. С матери, пожалуй, станется выдать ее за Генриха, чтобы покончить с гугенотами. Интересно, какой совет дал ей астролог?

Принцесса вдруг вспомнила о часах, спрятанных под подушками. Утром будут прибирать постель и наткнутся на них. Она неслышно поднялась, и, ступая босиком по холодному полу, убрала вещицу подальше...

Глава 10

Москва. Наше время

Астра пригласила Матвея на ужин. С некоторых пор она полюбила домашние трапезы. Кухня в ее квартирке была маленькая, но уютная, удобно обставленная и снабженная всей необходимой техникой.

– Ты режь помидоры, а я займусь креветками.

Матвей выгрузил продукты из пакета и включил воду – мыть овощи.

– Мы начинаем новое расследование, – сообщила Астра. – Наш клиент – Алексей Глебов. Он решил, что жена собирается его убить.

– Только собирается? Значит, у нас еще есть время полакомиться шашлыком из креветок с помидорами и сладким перцем.

– Речь идет о жизни человека...

– А в чем заключается наша задача? Мы поселимся в их доме под видом садовника и кухарки? Ты будешь готовить настоящие венские шницели, а я – поливать цветы? При этом мы не оставим супругов наедине ни на секунду – даже ночью мы станем прятаться под кроватью, дабы во время исполнения супружеского долга жена не задушила мужа в объятиях.

Астра нанизывала на шампуры розовые креветки.

– Мне нравится твой сарказм! – восхищенно улыбнулась она.

– У тебя есть лучшее предложение?

– Конечно. Надо поговорить с Казариновыми – это бывшие друзья Магды Глебовой. Может быть, они что-нибудь знают о ее прошлом.

– Значит, ее зовут Магда. Будущая леди Макбет, да? Занятно.

– Оставь свои шуточки. Дело серьезное! Я уже звонила Борисову, просила навести справки о покойных родителях Магды.

– Их она уже убила?

– Прекрати. Они разбились на самолете семь лет назад. Врезались в тумане в скалу...

Астра пересказала ему все, что услышала от Глебова.

– И ты, конечно, поверила? – спросил Матвей.

– Зачем ему врать?

– Вдруг он хочет сделать тебя пешкой в своей игре? Убьет жену и представит это как самооборону. Дескать, она набросилась на него с ножом, он ее неловко оттолкнул, она упала, ударилась виском о край стола... А ты пойдешь свидетелем! Будешь в суде выгораживать убийцу. Он же заранее нанял тебя, потому как жена уже покушалась на его жизнь. Как я понял, в случае смерти Магды муж наследует все ее имущество и деньги?

Астра села и сложила руки на коленях. В таком ракурсе она обстоятельства не рассматривала.

– Кстати, Глебов очень хорош собой.

– Советую в первую очередь проверить, нет ли у него любовницы.

Матвей ловко нарезал помидоры и принялся чистить перец.

– Лук сюда идет?

– Не знаю... – рассеянно произнесла она. – Наверное...

– Включай гриль, пусть нагревается.

– Что?..

– Где мы будем жарить шашлык? Не в микроволновке же?!

Астра забыла о креветках. Она вытерла руки о фартук и машинально потянулась к стакану с белым вином. Глотнула, не ощущая вкуса.

– Напоследок я спросила его о Коломбине и Арлекине... – пробормотала она. – Он ведь еще застал карнавальные шоу в Венеции. После того как основные мероприятия заканчиваются, для туристов продолжают устраивать костюмированные развлечения.

– Глебов небось заявил, что в костюмы Коломбины и Арлекина были наряжены его знакомые Бутылкины!

– Как ты догадался?

– Ясновидение, дорогая, – засмеялся Матвей. – Или дедукция. Выбирай, что тебе больше по душе.

– Мне кажется, в этом деле непременно замешаны персонажи комедии *дель арте*.

Частный сыск Астра умудрялась превращать в нечто среднее между спиритическим сеансом, где в роли медиума выступало *зеркало*, и дилетантскими рассуждениями, которые перемежались с не менее дилетантской слежкой. Отчасти она использовала сведения, полученные либо от Борисова, либо от других людей, но интерпретировала их слишком смело. Можно сказать, что она делала парадоксальные выводы из самой обычной информации и решала задачу изобретенным ею способом. Так или иначе, но ей обычно удавалось вычислить преступника...

* * *

Глебов пил коньяк, сидя в кресле перед телевизором. Шел какой-то фильм о разведчиках. Он смотрел на экран, но видел совершенно другое – венецианскую ночь, полную огней и ряженных, темно-синее небо и золотой блеск воды в канале, тесном от проплывающих гондол. Броская красотка Коломбина хохочет, отталкивая его лодку рукой.

– Простите, я обознался... – бормочет он.

Пахнет лимонами и сыростью. Ветер несет с моря солоноватую прохладу...

– Тебе звонили! – крикнула Магда из спальни.

Глебов очнулся. Он в Москве, в своей квартире на Остоженке. В соседней комнате жена примеряет купленное накануне платье.

– Кто?

– Женщина, наверное...

– Почему «наверное»? Она что, не представилась?

Магда появилась в дверном проеме – в длинном облегающем платье в малиновых и зеленых разводах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.